

Степан
Мазур

☺
Кеша
Дарк
Шень

Brilliant girl!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Степан Мазур
Бриллиант гёрл / Brilliant girl
Серия «Тёмные истории
мистера Дарка», книга 2

<https://litres.ru/73564391>
SelfPub; 2026
ISBN 978-5-907465-90-9

Аннотация

Дарк в ауте, а Тень словно с цепи сорвался. Устраивает диверсии и привносит в жизнь ячейки сексты хаос и неразбериху. Никакого покоя членам, и Соня единственная, кто способна дать бой основателю, чтобы наладить порядок в особняке. Но в жизни молодой Хозяйки тоже шторма. Проблемы сыплются одна за другой: время разводиться и брать управление в ежовые рукавицы! А тут ещё золотой список никак не даёт покоя, чтобы закончить преобразование. Но главное это помочь самому Иннокентию разобраться в себе. А для этого придётся нырнуть так глубоко, что не все вернутся обратно.

Содержание

Глава 1 – Шах и мат... И снова мат!	4
Глава 2 – Концентрация на главном	16
Глава 3 – Всё по фень-шую	25
Глава 4 – Буду резать, буду бить...	41
Глава 5 – ...Всё равно тебе водить	46
Глава 6 – Всё идеальное – пошло	54
Глава 7 – Цилиндрический корень	70
Глава 8 – Отличное задание!	84
Глава 9 – Первый помощник	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Степан Мазур

Бриллиант гёрл / Brilliant girl

Глава 1 – Шах и мат... И снова мат!

Соня распахнула глаза от луча солнца. Тот пробился через занавеску и теперь бил прямой наводкой по правому веку, напоминая, что есть и светлое время суток, и не всё ей в ночи жить.

Девушка поморщилась следом от духоты в комнате и почавкала губами, пролепетав тут же:

– Жарко-о-о!

День будет как на сковородке. Надо бы включить кондиционер, да рука слепо никак не может нашарить пульт на прикроватной тумбочке.

Отодвигая одеяло, Соня старалась собрать в памяти весь прошлый день. Но одеяло не поддавалось, не спеша её отпускать. Что-то мешало.

«Может, собака? Кот? Но у нас же в особняке нет животных».

Девушка повернулась к источнику возможных неприят-

ностей и тут же вскрикнула. Рядом на широкой двуспальной кровати возлежал обнажённый мужчина прямо поверх одеяла.

Мало того, что руки раскинул звездой, задев её живот, так ещё и прикрыт лишь самым краем одеяла. Причём в самом интересном месте.

«Свернул конвертиком, а залезть под него не догадался», – констатировала факт пробуждённая и тут до неё дошёл смысл происходящего.

– Дарк! Или... Тень? – воскликнула Соня, моргая так, словно надеялась, что глаза отобразят другую картинку.

Она точно помнила, что легла спать в одиночестве. Это было где-то во втором-третьем часу ночи. Значит, они пришёл и улёгся ещё позже. И... почему к ней? Почему он? Нет, понятно, почему он, но почему сейчас? Без подготовки.

Так много вопросов.

Мужчина распахнул глаза и некоторое время смотрел в малознакомый потолок, словно оценивая местоположение во Вселенной. В какой-то момент спросил:

– Где я?

Алкоголем от него не пахло, значит, дезориентация происходила по другой причине.

Девушка изобразила губами лошадь. Зевнула, устроив потягушечки, и ответила:

– Дома. А... давно мы спим вместе?

Дарка – а сейчас это был именно он – как молнией уда-

рило. Подскочил. От чего край одеяла отшвырнуло, обнажив мясистый, толстый член и массивные яйца. Экспозиция отображалась посреди куста, аккуратно подровнённого по краям, чтобы не превратился в заросли.

«О, утренний стояк! Мне б такое гнездо с секретом», – подумала Соня.

Она даже не думала отводить взгляд от палки между ног, на которую можно было повесить полотенце или случайно зацепиться.

«Как же я хочу утром через него перелазить и зацепиться», – пришла в голову тут же вторая мысль.

Она не гнала её вон. Напротив, после вчерашнего опыта, старшая госпожа ячейки обрела уверенность и даже набралась немного наглости.

Ей даже на миг показалось, что так и следует поступить. Просто перекинула бы ногу, если знала кто рядом, затем рывок и вот – он у неё между ног.

«Капкан, с которого ни один мужчина не слезет. Даже Поршень!» – усмехнулась Соня, вспоминая прошлую ночь.

От чего внизу живота приятно потеплело. Заелозила. И тут же ощутила, как горит задница. Алые полосы, корки, струпья – всё говорило за то, что ночь не была предметом её фантазии.

Вместе с тем, это не останавливало Соню, напротив. До безумия захотелось делать глупости прямо с утра. Например, броситься к Дарку и поцеловать в губы, пока в себя не при-

шёл.

Но этот чёртов запах изо рта лишил её этой возможности, сбавил темп накала страстей.

Почавкав остатками вчерашней шаурмы, поняла, что лучше не стоит.

С трудом заставила себя сглотнуть. Иначе и говорит не сможет, пока не выплюнет. А это означает уйти из комнаты в спальню.

«Он же сбежит за это время!» – мелькнуло в голове вместе с остальными мыслями: «Люди целуются по утрам только в кино. И это никак не зависит от профессиональной чистки у стоматолога. Усни ты хоть со щёткой в зубах на ночь глядя, он будет. Поэтому вся романтика только после кофе в постель. Пригубил кружечку, и разврат легализован. А второй, тот, который подаст кофе, зубы уже почистил... Или так, или нужно быть совсем дикой и голодной.

Промедление пошло Дарку на пользу. Он пришёл в себя и снял со спинки стула у трельяжа трусы-боксёры. Затем попытался запихать в них раздутый хобот слоника. Сказать, что удалось, значит ничего не сказать.

– Ты бы ещё стринги попытался одеть! – рассмеялась Соня и тут же с сочувствием в голосе предложила. – Или надеть? Ты не думай, лучше сходи пописа! Вдруг отпустит?

Вместо этого Дарк натянул сразу джинсы. Пока запихивал трусы в карман, по бёдрам с другой стороны поползла змея. Но мужчина не стал предавать этому значению. Вместо этого

он принялся к майке и сказал:

– Чёртов Тень. Во что он меня одел? Где брюки с костюмом? И почему от меня пахнет гарью?

Соня запоздало поднялась с кровати. И вдруг вспомнила, что сама уже которую ночь к ряду спит голой. А это значило, что теперь она стоит перед господином в костюме Евы.

«Ой».

Но по щекам и не думал бежать румянец. Включился режиссёр тигрицы на охоте.

Соня заставила себя замереть, и буквально приказала рукам не тянуться к одеялу, чтобы прикрыться. Напротив, повернулась «рабочей стороной» к господину, и сделала вид, что натягивает трусики. И как же долго и страстно она это делала, изгибаясь грациозной пантерой. А чтобы точно перехватить внимание объекта, даже добавила полунасмешливо, но также и полузаботливо:

– Ой, не знаю, не знаю. Может... ты был на шашлыках? – обронила она как человек, которому хочется быть дружелюбным, но в то же время чувственным по отношению к собеседнику.

При очередном наклоне дно предательски прорвалось. В полной тишине комнаты вдруг раздался громкий непристойный звук.

«Чёрт побери! Не тихий бесшумный шептун, не пш-ш-ш, а рокот разрываемой трубы, от которого должна была упасть люстра».

Соня залилась краской.

«Ни с чем не перепутаешь».

Но люстра не упала. А девушке оставалось только проклинать вчерашние завертоны.

«Вкусно, но не без последствий».

– Соня! – воскликнул Дарк. – Не напрягайся.

– Да это просто... воздух. Так-то я... прелесть.

Тут Соня поняла, что на щеках можно блины жарить.

«А что поделаться?»

Можно скинуть с себя эротические оковы, но каждый человек найдёт от чего смутиться. Потому что сразу все-все-все комплексы точно не побороть. Каждый мечтает получить супер-способности по воле случая. Но жизнь говорит, что над каждым профессиональным ростом надо немало трудиться.

– П... прости.

– Да пофиг, забудь, – ответил немного нервно Дарк, явно сконцентрированный на других мыслях. – Есть дела поважнее. Если не решим, скоро всё затрещит по швам без всякой капусты.

Соня нервно улыбнулась

Натянув майку на плоский живот, на котором удалось разглядеть несколько нижних кубиков пресса в последний момент, пока материя с принтом «рок на все времена» их не скрыла, Дарк был сама загадочность. И в какой-то момент снова огорошил её заявлением:

– Ты должна помочь мне.

– Я? Без проблем. Как? – пролепетала рыжая чертовка.

«После того, как трахнула свою машину и оглушительно пёрнула в приватной обстановке с господином, по определению не должно было ничего смущать. Если мир под ногами не разверзся, поглотив меня от стыда, то хуже уже не будет».

Она тут же прокрутила в голове всю ту помощь, что окажется в ближайший час господину. Начнёт, пожалуй, с того, что снимет с него эти тесные трусы. А попутно разорвёт майку. Да и джинсы ему ни к лицу. Такие яйца заслуживают больше свободы. Ну а если его не пугают непристойные звуки, то можно и пальчик в жопу засунуть.

«Но сначала свобода! Освободить змея»! – застучало навязчивое в голове.

И тут же промелькнули картинки, как, что и в каких позах тот должен с ней сделать, чтобы отблагодарить за свободу.

Видимо она задумалась. Так как очнулась от того, что Дарк помахал перед ней рукой и даже пощёлкал пальцами.

– Соня, сконцентрируйся! Я пока не знаю, как мне помочь. Но похоже мне надо посетить... мозгоправа.

– Зачем? Ты же сам... мозгоправ.

– Скорее, сексолог. Но не все проблемы заложены в сексе. Только остальные 99 процентов, которые секса не касаются. И это похоже, тот самый случай.

Соня молча просверлила его взглядом.

– Мне нужен мозгоправ для консультации, – добавил он.

– Тень не даёт мне времени разобраться с ситуацией. А то, что я изучил в медицинских исследованиях, даёт слишком много вариантов лечения. Если же просто подсяду на успокоительные с литием, просто сожгу мозг. Тогда Тень уйдёт, но и меня не будет.

– Нет, ты себя не губи, – снова ответила Соня и ещё более эротично начала надевать бюстгальтер. – Без проблем, Дарк. Я помогу тебе!

«Мять сиськи» – не только философское выражение. Не может же он запомнить только позор в этой комнате. Пусть хотя бы Дашу и Машу разглядит как следует. Отпечатается в сознании. Пусть даже потрогает, ничего страшного. В целях реабилитации сознания, например», – вновь и вновь думала Соня, разгоняя себя в это утро, переходящее в день.

И как только она не старалась «сгладить последнюю картинку». То одна грудь якобы вываливалась сверху, топравляла бретельку, то другая грудь выползала снизу. А в процессе поднялись соски от возбуждения. И целились лазером прямо в него.

Но господин лишь мазнул взглядом по ним и предпочёл сконцентрироваться на носках. Всё же одна особенность их с Тенью связывала. Оба носили белые носки даже в жару. Только один под туфли, а второй под кроссовки. И никаких тебе сандалий, что могло означать, что напряжены оба, не до курортов.

«О, Дарк, как заметить твою реакцию на меня, если он и

так уже стоит»? – разочаровалась в мастерстве соблазнения рыжая чертовка и накинула остальную одежду уже без выкрутасов.

Снизу уже снова подпирало. Лучше не рисковать и сбегать дальше по коридору, оседлав белый трон на десяток-другой минут. И потом столько же туда никого не пускать.

– Кого предпочитаешь? Психотерапевта? Психолога? Психиатра? – посмешила она к выходу.

Дарк посмотрел на неё с надеждой, пожал плечами:

– Выбирай сама. Те, кого я знаю, не помогут.

– Почему?

– Потому что я слишком хорошо их знаю. Когда в тетрадке записан чёрный секрет человека, свой ему не доверишь. Одна блядь собак душит, другой дебил кроликов трахает, третий кончает только когда смотрит на бабочек. Бестиарий, ей богу.

– А им... можно вообще лечить людей?

– Других – можно. Просто слишком долго хранят в своей голове секреты других. Чёрные как ночь. И тем самым сами чернеют умами. Отношение к жизни меняется, Сонь. И вот уже сам не понимаешь, что хорошо, а что плохо. Они работают с этим каждый день. И каждый связан обязательствами. Перед клиентом, законом, совестью, наконец. Понимаешь?

Соня только кивнула и умчалась в ванную комнату, а Дарк спустился по лестнице со второго этажа на первый, собира-

ьясь посетить гостевой санузел, и невольно прошёлся мимо зала.

За слух зацепились новости. Работал настенный телевизор. При первых же словах что-то внутри заставило замереть и даже не видя картинку, слушать.

... более сотни людей госпитализировано с различными степенями тяжести поражения здоровья. Возбуждено уголовное дело по факту халатности при пожарной безопасности. Следствие разбирается в причинах массовой поножовщины в здании.

Дарк невольно поднял руку и посмотрел на дрожащие пальцы.

– Что за чёрт? – прошептали губы.

Звук работающего пылесоса всё перебил. Из зала вынырнула Полина в фартуке хозяйшки и с источником шума наперевес.

– О, господин. Не думала, что вы уже проснулись. Так поздно пришли.

– Где Даня?

Полина выключила пылесос и зачем-то встала на колени, склонив перед ним голову, как рыцарь, что ожидал приказаний от короля.

– Укатил с утра пораньше по поручению госпожи.

«Если и шутка, то не смешная», – подумал Дарк, но не стал на этом акцентировать внимание.

– Что ты ему приказала?

– Не я, Соня...

– Соня? – удивился Дарк.

Но не столько постановки вопроса, сколько внешнему виду Полины. Удивляло и её поведение. Но каждый перевоспитывается по-своему.

«Что в этом особняке устроила с людьми Соня?»

Полина меж тем чуть подняла голову, и взгляд упал на оттянувшихся джинсах. Не говоря ни слова, чернявая придвинулась на коленях и потянула руки к ширинке.

– Что ты... делаешь, – пробормотал Дарк, но едва пальцы коснулись ткани, в голове потеплело, замельтешило и сознание перехватил уже другой человек.

Тень мощно выдохнул и по-хозяйски придвинул Полину поближе. Джинсы спали на уровень коленей.

Более уверенный и властный голос продолжил:

– Ты делаешь это неправильно. Надо глубже.

И Тень без сомнений насадил рот Полины на член. Отчего та рефлекторно сглотнула, отстранилась. Но едва мощная длань коснулась головы, как постаралась расслабиться и только активнее заработала языком и руками.

– Этому миру нужны перемены, – сказал довольный Тень, пока нижняя шлифовала ему головку. – А первыми их получит этот чёртов городок.

Больше всех очумела от увиденной картины Соня. Стоя на втором этаже, она придерживалась о перила, чтобы не упасть и не сразу поверила глазам. Привычный мир дал тре-

щину. Но среди осколков прошлого это уже почти не имело значения. И оставалось только молча наблюдать, как вытаскивая изо рта Полины член, тот стреляет ей на губы и подбородок белым, тягучим.

На глаза Сони навернулись слёзы, но по щеке так ни одна и не побежала. Сухие глаза впитали их жадно, без остатка. Ровно так же, как всё до последней капли собрала в себя Полина. Затем лишь улыбнулась, подскочила и подхватив пылесос, снова принялась за уборку в доме.

Тень вдруг поднял голову и перехватил взгляд рыжей чертовки. Её как парализовало. А он, ничуть не смущаясь, заправился, отвернулся и пошёл справлять другую нужду.

Перед глазами рыжей госпожи застыла лишь картина немного уменьшившихся в размере яиц. Они уже не висели двумя снарядами, а подтянулись и словно построинели.

«Такие можно и в боксёрах носить», – невольно подумала Соня, отмечая как бешено бьётся сердце.

Она очень надеялась, что перед ней был не Дарк.

Глава 2 – Концентрация на главном

Даниил встал с первыми лучами солнца, чтобы выполнить поручение Сони. Завалившись к ним с Полиной в комнату среди ночи, она чётко дала понять, что хочет видеть свою новую машину в химчистке. Настолько чётко, что стоило Полине возмутиться насчёт времени ночной побудке, как та лишь посоветовала заткнуться.

Нижний даже приготовился к ответному крику, но на этом вдруг конфликт двух госпожей затих. Полина просто отвернулась на другой бочок, обняла подушку и затихла. А он остаток ночи ворочался. Не в силах уснуть, несколько раз вставал. И когда поднялся во второй раз, в коридоре его встретил рабочий в костюме электрика.

– Как сам, Дань? – только и спросил он, оказавшийся никем иным, как мистером Дарком.

– Да вроде ничего.

Ничуть не смущаясь, он разделся прямо перед ним и попросил одежды. А когда подопечный принёс то, что нашёл в потёмках комнаты, то нашёл неожиданного ночного гостя лишь на улице.

Тень сжигал рабочий костюм в шашлычнице, обильно полив её средством для розжига. Густой чёрный дым ничуть его не смущал. Под светом луны он лишь улыбался, а когда

удостоверился, что прогорели и углы, вернулся в дом и долго не вылезал из душа.

Прислушиваясь, Даня понял, что закончил свою ночь Дарк в спальне старшей госпожи. Но оттуда не доносилось ни звука до самого утра.

Зато звуки активно доносились из спальни Марины. Глеб радовал её до полуночи, это было слышно ещё через стенку. А уже после полночи, возвращаясь с улицы домой, Даня расслышал звонок телефона. И не один. Они вдруг посыпались на полковницу градом среди ночи, пока она старалась привести себя в чувства на кухне среди сразу двух кружек кофе. Разве что кружки были итальянские и весьма малого объёма, а сама вторая госпожа постоянно материлась то на гейзерную турку, то на кофеварку за их медлительность. В каждой технике и техническом приспособлении должны была быть кнопка «немедленно», как по ней.

Даня был бы рад спросить, что произошло, как и вместе попить кофе. Но Марина лишь скривила лицо, как будто пожевала лимона и разглаживая форму прямо на себе, подхватив ключи с жёлтым брелоком, умчалась куда-то в ночи. На улице лишь взвизгнул мотор и непрогретые колёса старта-нули с места с прокруткой, едва в откатных воротах образовался достаточный зазор.

Допив кофе Марины из обеих кружек, Даня воспрял духом. Сон покинул окончательно. И всё, что оставалось делать Тройничку в оставшуюся часть ночи, это выполнить по-

ручение Сони. Поэтому он неторопливо взял другие ключи с брелоком Порше, о котором говорила рыжая госпожа, и вышел на улицу.

На площадке автомобиля не оказалось, но искомый обнаружился в гараже.

«Забыла куда поставила»? – ещё подумал Даня.

Сев внутрь, и настроив под себя зеркала, он принялся. Пахло разогретой за день солнцем кожей и Мариниными духами с лёгким привкусом крыжовника. Запах приятный, который хотелось вдохнуть всей грудью. Включив помимо салонного освещения, он долго шарил фонариком в поисках пятен или источников грязи, но так ничего и не нашёл.

Особо тщательно Даня понюхал водительское сидение на случай конфуза, но не обнаружил ничего подозрительного и там. Машина словно недавно из салона. Запылилась немного только. Но то могут решить гигиенические салфетки. Пройтись на раз по приборной панели.

Но у человека на пыль может быть аллергия, видимо поэтому Соня и попросила её отмыть как следует.

– Что ж, приказ есть приказ, – пробормотал Тройничок и осторожно вывел жёлтого красавца из гаража, обруливая свой внедорожник среди первых лучей восходящего солнца.

Так Даня стал первым посетителем авто моечного комплекса. Но приняли его ещё до официального открытия рабочих часов. Сотрудники почему-то смотрели на него с уважением, как младшие собратья на старшего. Они буквально

заглядывали ему в рот, когда он говорил. И с пониманием отнеслись к химчистке в салоне, переглядываясь и подхихкивая меж собой.

Тройничок воспринял этот процесс как естественный, потому что Порше в городе, в отличие от внедорожников, на его памяти на дорогах не появлялся. И Даня спокойно пил кофе, поглядывая на мониторы. Камеры выводили процесс, где сразу двое молодых парней как следует чистили салон, снимая не только коврики и накладки, но и сами сиденья. Процесс не быстрый.

Удивление началось скорее тогда, когда к нему за столик подошёл владелец комплекса. Дородный, бородатый кавказец. Пожелав доброго здоровья, он в лёгком наклоне спросил:

– Тысячи извинений. Милейший, это конечно не моё дело, но ребята нашли в салоне микрофоны. Вы так не доверяете своей девушке, что напихали туда жучков? Ребятам можно их снять? Камеры тоже не трогать?

Даня поднял голову от кружки. На его памяти к нему ни разу не обращался владелец, сколько бы он раз не мыл тут машину.

Он бы и рад прикинуть, что за камеры и откуда взялись микрофоны в машине Сони, но тут зазвонил мобильный.

Высветился номер Марины. Спеша ответить, Даня лишь буркнул:

– Снимайте всё, что нужно. Главное, чтобы чисто было.

Владелец кивнул и отошёл на почтительное для частного разговора расстояние. Даже приложил руку к груди как в знаке почтения к мужчинке, что сумел заарканить такую девушку, как Соня.

Чудо же! Тогда как сама рыжая чертовка менее чем сутки назад отшила каждого, кто к ней подходил, включая и самого владельца комплекса. Но сделала это так искусно, что обиды не было ни у одного из них. И вот видимо сам мужчина этой восхитительной женщины привёз автомобиль без номеров, чтобы позаботиться о нём после наверняка восхитительных часов в его салоне.

У такого хотелось узнать главный секрет – КАК и ЧЕМ он привлёк такую принцессу?

Даня под музыку-рингтон «наша служба и опасна, и трудна» подобными вопросами не задавался, он просто поднял трубку. Голос Марины звучал на повышенных, но не требовательный, скорее – молящий.

– Даня, лето бьёт по мозгам. Город в огне. А у меня у самой пиздец, чё творится! В салоне воняет так, что топор можно вешать. Какая-то мышь или кошка походу заползла под капот и сдохла. Надо найти её. А я на работе. К нам комиссия прибыла. Все на ушах стоят. Можешь подъехать и забрать машинку, чтобы отвезти в мойку? Пусть её в скипидаре что ли вымочат. Глаза режет, не могу! До вечера меня и так везде покатают.

– Хорошо, госпожа Марина. Где стоит ваша машина? –

робко поинтересовался Тройничок и, положив трубку после ответа, уже сам поманил ожидающего продолжения разговора владельца.

– Послушайте меня внимательно, я отскочу ненадолго. Затем приеду с ещё одной машиной. И её тоже нужно будет отмыть изнутри... Только, напрочь.

В глазах кавказца только разгорелось уважение. Он развёл руками и заявил:

– Ва-а-ах, вот это мужчина. Уважаю. Так у тебя не одна женщина? Правильно, каждой нужно по своей машине. Вези, дорогой. Всё сделаем в лучшем виде. А... сколько у тебя всего их?

Даня уже не слушал и тем более не ответил. Он уже бежал на улицу, попутно вызывая такси через приложение на телефоне. Когда к автомоечному комплексу подкатили чёрные Жигули, даже не удивился.

Водитель как старый знакомый с ходу заявил:

– Это ты, дорогой? Что, коня привёз помыть? Это правильно. Скажи, что от меня. Мой дядя Анзор ещё и скидку сделает. Хорошему человеку не жалко. Как там принцесса рыжая поживает?

– Хорошо поживает. На Порше катается, – ответил Даня, пытаясь припомнить какую опцию поставил в приложении, чтобы к нему приехала машина с миллионным пробегом и самым говорливым водителем в городе.

С другой стороны, они не так давно его чуть не посадили.

Да и Дарка он сначала тоже чуть не закрыл за решёткой. Так что следовало с уважением слушать того и другого. Просто потому, что иных извинений Тройничёк в отношении мужчин и не знал.

Не менять же амплуа.

Забрав «Маринин» Порше и ключи, обратно в моечный комплекс Даня ехал, заткнув нос и открыв все форточки. Сдохла не мышка или кошка, а скорее целая корова. Но как она пробралась под капот?

– Ну тут диагностику делать надо, – тут же написал Даня Марине сообщение по пути и загнал второй Порше во второй бокс.

Посмотреть на обе идентичные машины, что ездили по городу пока ещё без номеров, собралась уже вся родня владельца автомоечного комплекса, большая часть которой тут же и работала.

Все смотрели на Даню с вау-эффектов уважения, что взлетел до уровня «а-уф!». Сотрудники махали руками, иные аплодировали и присвистывали, о чём-то активно разговаривая, не забывая активно фотографироваться перед обеими автомобилями.

А самому «владельцу крутых тачек» и «покорителю женских сердец» Анзор сказал ещё много ласковых. А когда присели на диване, вручил в ладони четыре беспроводные кнопки-микрофона. А затем две камеры с проводами.

– Слушай, дорогой. Ну микрофоны ещё куда ни шло сто-

яли. Но камеры кто так ставит? Провода торчат некрасиво. Хочешь следить за девушками красиво, так езжай к моему брату, он тебе так всё установит, каждую улыбку на её лице видеть будешь. И ей же восхищаться.

Покрутив в руке микрофоны и камеры, Даня сунул их в карманы пиджака, не особо задаваясь вопросами о преследуемых ими целях.

Больше удивила диагностика уже отмытого Порше. Там не было ни камер, ни микрофонов, но помимо идеального состояния автомобиля, диагност обнаружил коробочку у бензобака с антенной на радиопульт.

– Слушай, друг, – обратился к Данилу владелец уже сервисного центра. – Я не знаю, кому ты насолил, но заряд мы разрядили.

– Сапёры?

– Какие сапёры, дорогой? Ничего сложного. Стена помех и секатор. Всё-таки у этой новой техники всегда есть кнопка выключения. И потому не люблю новые технологии. Но раз брат тебя порекомендовал, скажу, как есть, – тут он придвинулся и понизил голос. – Ладно, когда враги. Но если сам решил взорвать свою девушку посреди трассы по первому сигналу со своего телефона, то сделай милость... Пусть это будет другая машина. А эту мне продай. Я такого красавца уничтожать не позволю. Втридорога куплю! Цену назови.

– О, она не продаётся, – улыбнулся бледной улыбкой Даня.
– Нет таких денег. Не напрягай голову.

Ощущение, что катался по городу с зарядом под задом, несколько выбили из колеи.

– Ах, шайтан! – выругался кавказец и без дальнейших слов протянул ему разряженную коробочку с зарядом, которого хватало, чтобы отправить на тот свет всех, кто сядет в автомобиль... Но только тогда, когда этого захочет владелец пульта управления.

Даня сглотнул, убрал заряд в карман. И попытался сделать вид, что ничего не произошло.

От волнения только убрал руку в другой карман, щупая микрофоны и камеру. Два пазла сошлись в одной картине. И тут Тройничок понял, что кто-то очень желает их ячейке смерти. А значит, пора бы с ребятами поговорить по душам.

Только с кем в первую очередь, с Дарком или Тенью? Вполне возможно, что если один создал структуру, то второй делал всё, чтобы её разрушить.

Иначе как объяснить то, что творится?

Испугавшись собственных мыслей, Даня тут же набрал номер Марины.

– Похоже, госпожа, летний пиздец продолжается... надо поговорить.

Она ответила и быстро положила трубку. Даня уже хотел возмутиться, но тут на телефоне снова высветился звонок. Поднял к лицу. Тело невольно пробрало потом.

Звонил господин.

Глава 3 – Всё по фень-шую

Мысли Сони то носились быстрее ветра, то передвигались медленные, как черепахи. Ровно так же и она сама то тенью неосязаемой бродила по дому, то носилась ураганом, изображая кипучую деятельность.

Она то собирала вещи, то начинала мыть посуду. Домой, в семью, не тянуло. Но и оставаться здесь больше не видела никакого смысла. И вся эта двойственность происходила из-за одного человека. ТОГО САМОГО человека, который постоянно каким-то образом влиял на её жизнь.

– Чёртов Дарк! – периодически восклицала Соня. – Проклятый Тень, – добавляла она же чуть тише, оглядываясь через плечо, чтобы не дай бог услышал. – Я запуталась!

Особняк опустел. Все куда-то разбежались по своим делам. И даже затворница-Полина заявила, что отправляется по магазинам. При чём не за ящиком бутылок, которые спокойно заказывала по щелчку пальца в приложении, а за чистящими средствами и прочей химией для уборки дома, которую лучше выбирать на прилавке своими глазами, чем листать в ленте предполагаемых покупок.

Одиночество овладело Соней, поставив в позу мыслителя. Она то замирала у окна, пялясь в небо, то садилась медитировать на ступеньки, то с ногами забиралась в кресло у ка-

мина, но по причине дикой жары, конечно, даже не думала его разводить. Просто вспомнить. Главные слова, которыми так обильно сыпал господин. И она верила. В каждое. Ровно до того момента, пока не обнаружила его член во рту соперницы.

Она попыталась читать, но первый же сюжет слащавой истории с парой принцев на обложке, лапающих принцессу, подвёл к измене на первой же странице. И сделал это так топорно и пафосно, словно каждый мужской персонаж не превосходил интеллектом уровня дерева. Но дерева, которое обязательно грозило перетрахать всё в королевстве. Видимо, им эволюционных побуждений альфа-самца.

– Мужики – говно! – крикнула Соня, не забыв швырнуть книжку популярной писательницы в камин на растопку. – И это не прикольно! – добавила она тут же поднявшемуся оттуда угольному дыму и пыли.

Откинувшись на подлокотнике кресла головой вниз, она долго смотрела в потолок, а затем спросила у него же:

– А может, он действительно болен и требует лечения? Что он там про мозгоправов говорил? Помочь? Да... надо помочь.

Потолок не ответил, уныло играя отсветом. Соня, едва начав листать контакты в телефоне, снова отложила гаджет подальше, так как первое же сообщение мужа только добавило неприязни к мужчинам.

«У малого понос. Почему он так реагирует на лапшу

быстрого приготовления? Сегодня весь день едим заварную пюрешку. Может ты уже заявившись домой и нормальной еды приготовишь?»

Сходив на кухню заварить нового чая, Соня зацепилась глазами за свою сумочку. И торчащий зелёный уголок папки. Вроде просто моргнула, а листик оказался в руках. И глаза забегали по строчкам. Что ещё ей оставалось делать, кроме как закончить золотой список? Может там вся истина?

Пункт 24. *«Слышала про сравнение «пламя и лёд»? Так вот, есть такая игра со свечкой и кубиками льда. Попробуй разность ощущений на своей коже. Для начала проведи льдом по рукам. Затем накапай горящим воском, и снова приложи лёд на участке рядом.*

Ты ещё существуешь? Или это уже не ты? Давай проверим. Разгоняй ощущения от кончиков пальцев до локтей. Пробуй на ногах и на животе. В ванной с пенкой и солькой. В расслабленном состоянии. Побудь одна наедине со своими мыслями. Свечка в стакане, лёд в подложке из холодильника и твоя кожа – всё, что нужно. Ощущай, Соня. Тебе нужен опыт».

Соня как читала, так и присела на стул. Только подмышки вспотели от ощущений, и по спине мурашки пробежали. Подняла голову, заявив листику:

– Возможно... только возможно – не все мужики свиньи, уроды и придурки по определению. Есть и чувственные натуры. Не те, у которых есть свои мужики и желание отбели-

вать анус, а другие. Такие как... как... Дарк. Как этот мудака там, в далёком прошлом, понял то, что мне нужно сейчас? Мистик ебучий. Ебанный... заёбыш... блядь, почему ты меня не мог трахнуть до той лестницы? Так не честно, я проснулась ближе!

Отложив помятый листик, Соня пошла в ванную комнату и начала набирать воду. С жарой справлялась сплит система, отлично разгоняя охлаждённый воздух по всей внутренней территории дома. Так что можно и горячую ванну принять.

В предвкушении, Соня бродила по коридору, стаскав в ванную халат, тапочки, крема и лосьоны из комнаты. Держать их в ванной всегда бесполезно, Даня все выльет на себя, и скажет, что те уже были пустыми.

Пока набиралась вода, рыжая чертовка тщательно отобрала и подготовила свечи, расставив с десяток по периметру бортиков ванны и всей комнате. Зажгла их вместо света. Проверила, чтобы в морозилке был лёд. Даже музыку включила в телефоне под настроение. А затем пообещала себе, что любой пережитый опыт ни за что не расскажет в отчёте господину.

Но часы шли, опадали замки из пенки, впитывались растворённые соли в кожу. И глядя на горящие свечи с маской на лице, Соня поняла, что из неё уходит стресс. Пальцы вроде бы потянулись, чтобы сменить один грустный трек другим, но мимолётом зашли в мессенджер и накидали предательские буквы:

«Самое страшное – это первая капля. Первая капля раскаленного воска. Решила опробовать сначала на бедре, там кожа менее чувствительна после родов. Капнула воск с расстояния, на сколько хватило рук. Чтобы не обжечься на всякий случай. Дыхание немного сбилось. В другой руке лед, чтобы сразу сбалансировать ожог от воска.

Кап!

Чёрт, совсем не больно. Капнула уже с расстояния десяти сантиметров – всё равно не больно. Взяла новую свечу, воска в ней больше и капнула на клитор, а-а-а! Больно и хорошо. Сверху приложила лёд, и снова шлифанула воском.

Сука! Как же приятно. Дарк, какие нах руки-ноги? Это уровень детского сада.

Смотрю на поверхность ванны. Капли воска расплылись по воде, они не тонут, легче её.

Как же вас много. Надо собирать. Капнула на грудь. Обжигает, чувствительна.

Я всё чувствую! И холод, и жар, и боль... которую ты причинил мне, положив свой чёртов член не в меня!

Натёрла себя льдом, снова капнула на клитор... Пиздаться! Я всё тебе прошу за эти ощущения!

Прикусила губу.

«Игра стоила свеч» – кажется это высказывание пошло именно от сюда».

Соня приходила в себя до той поры, пока сама не стала ванной. Сморщенная кожа на пальцах походила на стариков-

скую, а распаренное лицо по ощущениям – кожа младенца. Вода давно остыла. Часть свечей потухла. И тогда Соня медленно перекинула ножку через бортик, облачилась в халат и подвязавшись, величественно отправилась по коридору на первый этаж, поближе к кофе и листику.

– Если чёртовы пункты этого большого списка приводят меня в себя, то подайте ещё парочку! – обронила она пустым кружкам, как слугам, ожидающим её распоряжений. Они так и стояли на страже, без единого намека на движение.

Среди суетливого мира ей так нужно было прийти в себя. Остановиться, осмотреться, но только чтобы снова сорваться с места в спринт. А там – нагнать, перегнать. Не важно. Все будет её пыль глотать. Она не будет ведомой, но лишь сама будет вести за собой.

Только опыта наберётся.

Проклятый измятый листик поверх папки. И пока закипает чайник, глаза читают жадно:

Пункт 25. *«Ты целуешь подругу. Прямо в губы. Прямо подругу. Поцелуй не менее двух-трёх секунд. Желательно с объятья крепкими. Чуть дольше, чем неловко.*

Посмотри в глаза после поцелуя, спроси: всё хорошо? Смотри за реакцией... Кайфуй. Твоя задача искренне изобразить простушку, которая не понимает, почему нельзя целовать подругу.

Подругу подбираешь сама. Твоя задача – смутить. Не себя, а её, конечно. Повторяю – не возбуждаться, смутить».

Соня ощутила, что пальцы готовы сжать листик, скомкать, а потом распрямить и изорвать на мелкие кусочки. После чего сжечь каждый последовательно над теми же свечками, что несколько минут назад дарили спокойствие и релакс.

– Ну вот нет! – воскликнула Соня. – Целоваться с подругой в губы я могла лет в шестнадцать. Сейчас – только если это лесбуха. И то не точно. Испытание провалено и точка.

Разозлившись на Дарка, Соня швырнула кружку на стену. Та разбилась в дребезги, на пол посыпались грязные осколки. Девушка посмотрела на них с чувством собственного превосходства. Свои слуги, значит может казнить и милловать под настроение.

И настроение снова ни к чёрту. Как вообще её можно раскачивать туда-сюда как качели весь день? Так не бывает. Точнее бывает, но не так быстро. А как тогда бывает правильно?

Мысли захлестили голову Сони. Скомкав листик, она поднялась из-за стола и решительно отправилась собирать вещи.

«Пора с этим заканчивать. Поигрались и хватит. Дарк – дурак и ничего в жизни не понимает. А у меня семья. Пора за ум браться и всё вернуть на круги своя».

Эти мысли донимали её на лестнице. Она даже успела взобраться на первую ступеньку, но тот входная дверь открылась. И на пороге появилась чернявая с полными сумками продуктов и товаров.

Маленькая, среди такого количества веса и груза, она по-

разила Соню. Если раньше Полина не позволяла себе поднимать ничего больше книги или стека, то теперь трудилась во всю. И этот труд отражал пот. Локоны на лбу прилипли. Пытаясь их сдуть с глаз, она одновременно воевала с дверью, ключом, пакетами и не похоже было на то, что Даня рядом.

Не совсем понимая себя, Соня подошла к ней вплотную, но не приняла часть пакетов, а обхватила лицо ладонями и буквально впилась в губы такой ненавистной и такой изменившейся младшей госпожи. А может уже и не госпожи? Какая разница? Ведь она видела ясно только одно – Дарк повлиял на неё. И эти изменения затронули саму суть Полины, повернув её почти на 180 градусов по направлению жизни.

Поцелуй продолжался дольше, чем три секунды. В процессе Полина уронила один за другим половину пакетов, другая часть просто выскользнула из рук с глухим стуком о паркетный пол. Часть покупок наверняка разбилась, но это не имело никакого значения для происходящего.

Соня вдруг поняла, что выполнила задание. А Полина ничего не поняла, но приняла поцелуй как данность. Ведь единственное, что её теперь интересовало в жизни, это служение. Господину, госпоже, этому дому... это делало её счастливой. Она словно нашла своё призвание в жизни и с отвращением вспоминала прошлое.

– Госпожа, – обронила чернявая, не зная, что ещё добавить. – Вы чего?

– А ничего, – отмахнулась Соня, натянув улыбку. – Так,

захотелось просто. Давай мы... закажем тебе костюм домработницы.

Полина смирила взглядом свою длинную юбку, закрытую одежду без выреза и намёка на свободу тела, кивнула.

– Как прикажете.

Эти слова ответа возбудили Соню. Не в эротическом плане, но энергия буквально заклокотала в ней. Она словно была автомобилем и только что в её бак залили бензина до кромки. Можно было снова бежать вперёд, но не сбегать из этого прекрасного места. И мысли о переезде задвинулись подалее на чердак. Она простила себя, Полину и Дарка. Всех простила. И снова хотела жить.

Приплясывая на месте, кружа халатом, Соня вернулась на кухню, расправила листик и забыв про отчёт на предыдущий пункт, вчиталась в следующий:

Пункт 26. *«Мужикам, конечно, тоже достанется. Твоя задача – вызвать стояк невзначай. Может, у коллеги, может у друга, может у прохожего. Можешь поправить бретельку, флиртовать, шлепнуть кого-нибудь по заднице сзади и изобразить шок и удивление (ой, ты не Валера... извини, пожалуйста).*

Если не стояк, то хотя бы смути мужика. И быстро ретируйся, даже не думая развивать встречу».

Соня опустила листик и рассмеялась в голос. Заливисто, освобождённо, как ребёнок, получивший новую неожиданную игрушку. Она уже знала, как закончит день и пальцы

спустя несколько часов стучали полноценный отчёт господину.

«Мне нравится эта игра, знаешь. Кажется, я захожу в кураж. Но что мне такого придумать? Скрытая публичность! Вот что мне надо. Пока они подглядывают, возбуждая от моего тела, – я как будто и вовсе не при чем. А что может быть более открытого, чем общественные души у реки или моря в купальный сезон?»

Я просто зашла в такой, разделась и не стала закрывать дверь полностью. Пусть смотрят. Пока капли тёплой воды стекали по нагому телу, я вдруг ощутила острое чувство заботы и трепета к нему.

Плавать это прекрасно. Но ещё лучше ощущать взгляды? О, моё тело! Оно всё чувствует и понимает каждое прикосновение. Почему я так не заботилась о нём раньше? Почему не позволяла наслаждаться им, любоваться, дарить ему нежность своих рук?

Почему только ругала за лишние килограммы и отсутствие идеальности. Прочь эти мысли! Все следующие дни я посвящу своему телу и буду трогать его везде и всюду.

Накинув лёгкий сарафан на тонких бретельках и выпив на скорую руку кофе в ближайшем кафе, я плюхнулась в свой отмытый до блеска Поршень и уехала покорять новые горизонты.

Стоя на светофоре случайно заметила взгляд из рядом стоящей машины. Это был обычный грузовик, но пассажи-

ру хорошо было видно меня в салоне моего авто сверху-вниз.

Я сделала вид, что не замечаю его взгляда и начала себя гладить и трогать. Ноги расставила широко. Юбка сарафана задрана так, что оголены бедра. Провела рукой по бёдрам, рукам, шее, волосам. Взглянула мельком на наблюдателя.

И знаешь, что я увидела? У него был довольный вид. Кажется, ему понравилось! Возможно он даже возбуждился и наяривал стручок втихаря.

Но самое главное, что все это маленькое чудо понравилось мне. Мне нравится это ощущение кайфа от себя. Какая все-таки у меня гладкая кожа! Так и доехала до дома, поглаживая себя.

Я так долго себя не любила. Спасибо, твоя Соня».

Кайфуя весь остаток дня, Соня отмечала отличный новый вид Полины. Костюм горничной, что доставили спустя час после заказа, был ей к лицу. Чепчик для кудрявых волос, короткая юбка без трусиков, вид мохнатого гнезда при любом наклоне. И кротость, послушность, абсолютное подчинение.

Соня вдруг начала замечать, что сначала постоянно смотрит на мохнатый лобок и нижние губы Полины. Противоположности притягиваются. Ведь свой лобок она по возможности тщательно брила, и при случае делала лазерную депиляцию. Гладко так, что гномик может скатиться как с горки.

«Почему же глаза постоянно цепляются за те дебри? Осуждают»?

Соня вдруг поняла, что рука тянется. Прикосновение ТУ-ДА для Полины снова было так же неожиданно, как первый поцелуй с госпожой. Но не отстранилась, не попятилась. Только замерла, не разгибаясь из наклона.

Соня, вновь не дав никаких объяснений, только играла волосами между пальцев, гладила ладонью и её тыльной стороной. И игра эта продолжалась минуты. Отчего чернявая намокла. А рыжая собрала смазку на палец и к полной неожиданности для себя заснула его поглубже глубже.

Полина не сумела сдержать стон. Соски её набухли, протираясь о плотную ткань костюма, а прикосновения ненавистой госпожи стали вдруг из невозможных приятными. Но Соня не собиралась на этом останавливаться. Поиграв пальчиком внутри, она заявила:

– Слушай, а почему бы мне тебя не наказать за проступок? Неси-ка игрушку.

Этих слов не ожидали обе. Полина, побледнев, распрямилась. И на негнущихся ногах пошла к шкафам с игрушками.

Она вдруг поняла, что там, где мужчины запаздывают, женщины нагоняют и смело идут вперёд. Если в доме закончились членоносцы, то она сделает всё сама.

«Эту услужливую сучку в костюмчике нужно наказать за выходку с Дарком», – догнала мысль слова.

И тут рыжая чертовка осознала, что действительно хочет наказать Полину. И руки без сомнений натянули на себя принесённый ремень, а прикрученный член из искусственной

кожи без всякой смазки пристроился к мохнатой дырке.

Полина наклонилась послушно, то тут же заёрзала задом. Пока ходила, смазка подсохла. Да и не привыкла без предварительных ласк или хотя бы презерватива.

Но Соня не собиралась давать ей время на ещё одну прогулку или хотя бы менять место наказания от лестницы в комнату. Она просто плюнула на руку, растёрла по головке члена и вставила. А затем вошла, придвинулась, и стала как можно быстрее работать бёдрами.

Её не интересовала правильность действий. Она отыгрывала образ мужчины-доминанта, который берёт своё. Грубо, жадно и бескомпромиссно.

Полина сначала вскрикнула, затем застонала. На смену боли пришло тепло и возбуждение. Она держалась о ступеньки, придерживалась за перила, но больше не отстранялась, а напротив, сама подмахивала в такт, вскоре сожалея лишь об одном – что принесла не самый большой член.

– Любишь его, сука? – закричала Соня, активно работая бёдрами. Не всегда в такт, порой член выскальзывал, порой ритм сбивался, но в целом процесс шёл. – Сосёшь у него, да?

– Да! ДА! ДА-А-А! – даже не думала оправдываться Полина, из которой после тяжёлого рабочего дня просто вытрахивали все остаточные мысли.

Почему Даня никогда так не делал?

Соня совершала над ней акт, который не способен был дать язык нижнего. Брала её в грубой форме. А тело не толь-

ко не противилось этому, но требовало ещё и ещё.

Рыжая чертовка, словно чувствуя это, начала шлёпать её по заднице, тянуть за чёрные кудрявые волосы на нижних губах. Но всякий раз эта вспышка боли лишь подкидывала Полину на новый уровень восприятия реальности.

Не в силах удержать очередной уровень, она слезла с члена и свалилась на ступеньки. Затряслись ноги, стянуло живот, а затем в оргазм погрузилось всё тело. Из неё обильно текли соки, а из глаз брызнули слёзы.

Чернявая смотрела на госпожу снизу-вверх с ощущением бесконечной любви и преданности. И чтобы губы не наговорили много-много лишних слов, Полина лишь прикусила фалангу пальца. Сжалась в комочек, закрывая глаза и переживая все эти ощущения.

Соня вдохнула в её жизнь нечто новое, что пока не поддавалось определениям.

«Страдание может быть таким?»

– Ты в порядке? – спросила рыжая чертовка, снимая ремни крепежа straponа.

– Да, – донёсся слабый голос.

Соня бросила strapon рядом с ней и вернулась на кухню, стараясь не смотреть на результат своих изысканий на ступеньках.

Нервно подхватив листик со стола, она вдруг поняла, как трясутся руки. Только сейчас тело догоняло разум и оба начали осознавать, что именно она сделала и почему.

Не собираясь разбираться в причинах, Соня зачитала новый пункт. Все слова потом. Анализ – утром. Если вообще захочет это разбирать.

«Где все люди в доме, с которыми можно это всё обсудить? Куда все подевались?»?

И только листик в руках был компасом-ориентиром.

Пункт 27. *«Кто-то иногда много говорит. Меньше слов, больше дела. Твои губы должны быть наказаны. Бей себя по губам за каждый косяк, что припомнишь за последнее время. Не до крови. Но и не жалей себя».*

Соня отодвинула листик.

– Ты... ты слишком много знаешь обо мне!

Возникло острое желание сжечь его ко всем чертям, но убоявшись этой мысли, она тут же сложила его обратно в папочку и запихав ту в сумочку, закинула на холодильник.

Вернувшись к себе в комнату, попросту перешагнув через распластавшуюся на ступеньках девушку, что из госпожи вдруг стала нижней, сыграв за свитча, Соня знала, что ударов будет много.

Там в ванной, горела от порки её жопа, а теперь губы в кровь разобьёт. И всё сама, без чьей-то помощи. Потому что знала – надо.

Отчёт писала уже с кровати:

«Эй, Дарк. Разве напугать меня ударами? Мы с детства привыкаем к тому, что больше ругают, чем хвалят. А уж получить по губам за дерзость – это как сходить с утра в

туалет. Ругать себя – эта наша зона комфорта.

Нет, не так. Ругать себя – моя зона комфорта. Я это делаю идеально. Шепчу зеркалу – да сучка? И шлепаю себя с размаху по губам. Затем ещё. Снова и на повторе.

Губы надулись, налились кровью и как только перестали немного гореть, им снова прилетел размашистый удар.

Всё! Больше не смею думать о себе как о лохушке и чмошнице.

Больше не смею себя ругать без дела!

Я – госпожа»!

Отправив сообщение, Соня откинулась на кровать, закуталась в одеяло и только тогда поняла, что тело трясёт.

Из неё словно выходил давно накопленный внутренний холод.

«Сколько его там»?

Раздумывая над последним вопросом, Соня не заметила, как провалилась в глубокий сон.

Глава 4 – Буду резать, буду бить...

В отведённое Дарком время Даниил успел пригнать к особняку только один Порше 911. За рулём вторым он уже встречал человека в чёрном строгом костюме у здания бизнес-центра. Несмотря на жару, тот хоть и держался в тени, но от классического костюма-тройки не уходил в сторону шорт и маек при всём желании. И даже галстук надел. Единственная вольность – расстёгнутая верхняя пуговица. И даже чёрные стеклянные очки подобраны по классическому стилю.

Даня же готов был снять с себя даже шкуру и благодарил небо, что законодательное собрание города ушло на каникулы. А значит, шефа возить никуда не надо и можно спокойно наслаждаться отпуском в удобной, свободной одежде. То есть всё свободное время посвящать Полине и суете в особняке, не вылезая из майки, шорт и сандалий. И носки он до сентября из тумбочки не достанет.

Поглядывая на бардачок, куда переложил бомбу, микрофоны и камеры, Даня, однако, задумался, что это лето самое интересное в плане приключений. Сначала едва не засадил господина за решётку, потом стал невольным свидетелем преступлений в доме мэра, наблюдая за перестрелкой со стороны, а когда убийца сбежал, вроде бы всё закончилось. Но нет же – вернулся почти сразу и снова закрутилось. В до-

ме все как на иголках. Только телефон молчит. Нет ни одного приказа от чернявой госпожи за весь день. Что почти невозможно.

– Правильно говорят, что убийца всегда возвращается на место преступлений, – пробормотал Даня, ещё раз проверил телефон – пусто – и снова с тоской посмотрел на бардачок.

Хотел ли господин их смерти?

Уже подъезжая к парковке, Даня легко рисовал в уме, что под пиджаком у господина целая вязанка бомб, а в кармане детонатор. Или бронезилет. Иначе зачем ещё себя мучить в купальный сезон такой одеждой? Вот сядет в салон, улыбнётся и нажмёт кнопку. И всё, здравствуй, тот свет. А будет ли там кому полизать – вопрос всех вопросов.

«Хотя, за героическую смерть должны выдать член побольше. Может и смену ампула», – подумал Даня.

Ещё водитель понятия не имел, кто перед ним, Дарк или Тень?

Обсудить этот вопрос можно будет с Мариной только ближе к вечеру, когда вернётся домой. Или сам заберёт её на её же машине с работы.

– Почему ты на Сониной машине? – был первый же вопрос человека в чёрном костюме.

– Это Маринина, – уточнил Даня.

– Маринина у дома стоит, – ответил собеседник и включив приложение, показал одну из двух точек на карте.

– Уверены, господин? – спросил Даня, только удостове-

рившись для себя, что с помощью подобного приложения Тень легко мог дать команду заряду у бензобака.

«Там ведь много не надо. Грамм ста хватит, чтобы детонировало. Машины теперь делают из картона, всем достанется».

– Уверен. На этой пробег на пять... о, уже четыре пятьсот... меньше. Похоже, Соня каталась весь день до мозолей на жопе.

Даня долго выдохнул, и снова скосил глаза на бардачок. Но Тень его опередил. С вопросом:

– На что смотришь? – он открыл бардачок и начал доставать провода и заряд. – Это ещё что такое? За девушками решил проследить?

Даня не ответил.

Если Дарк и отыгрывал удивление, то как хороший актёр. Даже очки снял, разглядывая приспособления для слезки и устранения, словно первый раз в жизни увидел.

– Я? Нет, – ответил Даня, утерев пот со лба. Несмотря на во всю трудящийся кондиционер в салоне, он потел как в бане. От этого даже набрался храбрости посмотреть в глаза господину. – Я думал вы мне скажете, что. Это стояло в обеих машинах. Зачем?

– Зачем? – переспросил озадаченно Дарк. – Понятия не имею зачем. Ну, если проникнуть в гараж и за полгода поставить в одну любой жучок не проблема. То как успели Соне подсунуть? Её машина только сутки как с салона. И почти

всё это время она каталась, судя по километражу. За остаток ночи, выходит, поставили.

– Может... перепутали?

– Что перепутали?

– Автомобили. Они же оба без номеров пока.

– Точно... перепутали, – почесал нос Дарк. – В одной – слежка, в другой смертельный сюрприз. Кому что?

И тут оба не сговариваясь, заявили в голос:

– Марина!

Дарк ещё покрутил в руках заряд и убрал в бардачок.

– Полковник прокуратуры, конечно – лакомый кусочек. Значит, с первого дня на контроле. Но что она там может наvertеть за день? Инструкцию должностную не ту прочитать?

– А кто может следить за Соней? – не понял Даня.

– Да это не за рыжей, – ответил господин. – Это похоже за мной ещё след тянулся с прошлого года. Но я не стал задерживаться в городе. Соне в наследство досталось. А вот Марина... кому она могла насолить?

Даня не знал ответов. Но тут Дарк выдал их на-гора:

– Проклятый Тень! Он совсем крышей поехал! Всех нас под монастырь подведёт. Или на тот свет отправит.

Даня немного расслабился, придя к выводу, что с ним в салоне всё же Дарк, а не тот странный тип с молчаливой улыбкой, оценивающим взглядом и парой предложений за всю беседу.

– Надо от него избавиться! – тут же решил Дарк.

– Как? – не понял Даня.

– Вези меня к мозгоправу!

– Какому?

– Любому!

– Ну... сейчас поищу, – водитель полез в телефон. – Отзвонись почитать?

– Даня, чёрт бы тебя побрал! – вспыхнул господин. – Мозгоправу не нужна реклама. В нашем суетливом, непостоянном мире к нему всегда очередь.

Стоило Дане остановиться и углубиться в телефон, как Дарк вдруг снял очки, расстегнул вторую рубашку, стянул галстук и почесав шею, добавил:

– К мозгоправу, так к мозгоправу... Поехали!

– Куда? – одними губами прошептал Даня, скорее шкурой ощущая, что в салоне рядом с ним уже другой человек.

Даже голос изменился. Стал холоднее. А это улыбка подобна оскалу хищника перед броском.

Глава 5 – ...Всё равно тебе водить

Бледно-зелёные оттенки в помещении должны успокаивать. Но если в кабинете один-на-один Даня ещё мог бы расслабиться, то в просторном помещении с разношерстной группой незнакомых человек вряд ли. Ведь он точно знал, что как минимум один из них – убийца. И судя по тому как тот внимательно слушал психолога на групповой терапии, он вышел на тропу охоты.

Сорокалетний мужчина в очках и белом халате с планшетом на коленке внимательно слушал каждого и почти не говорил, позволяя каждому самому обозначить свою проблему.

Но беседа как-то сразу не задалась. После случайного приветствия каждого участника группы из восьми человек, один из пациентов перевёл всё внимание на себя и начал рассказывать о перетряске пыльной жизни. Речь шла о необходимых рисках, чтобы выйти из привычной зоны комфорта, недостающем всем адреналине и синдроме настраиваемой удачи.

Едва Даня начал осознавать значение потока слов, а психолог активно записывать, как бодрый гость групповой терапии заявил:

– Конечно, жизнь без примеров – всего лишь скучная тео-

рия. Начнём с меня. В начале месяца у меня был долг по ипотеке, я задавался вопросами чем накормить ребёнка и где взять денег, чтобы одеть жену. Но нашёл в себе смелости пойти на риск и теперь не только решил все проблемы, но спокойно могу себе позволять наливать вам пиво. Каждый день. А доктору дважды даже утром и вечером. Так что могу решить и ваши проблемы. Обращайтесь после занятий.

Часть группы улыбнулась, послышались жидкие аплодисменты. Только молчаливый Тень вдруг взял слово:

– Как человек ты – полное говно.

Все повернули головы к нему. Заряженный парень даже со стула подскочил:

– Что ты сказал? А ну повтори!

– Ты – игрок, – спокойно сказал Тень. – Делаешь ставки на спорт. Но играешь не своими деньгами. Поэтому ничем не рискуешь. Ты раскручиваешь других людей делать ставки «на верняк» и кайфуешь от осознания своей безнаказанности. А попутно придумал для себя способ двойного обогащения.

– Это как?

– Да так. Ты забираешь деньги себе, когда ставка заведомо проигрышная. И никто не удивляется. Ведь «ставка сгорела», да? «Всё честно». А сам ставишь на низкий коэффициент побед. Там, где точно сыграет в 99 случаях из 100. Но для ощутимости таких побед, нужны крупные цифры. Значит, ставишь не свои деньги. Берёшь чужие. Для бухгалте-

ра ты слишком нервный. Для финансиста – неустойчивый. Значит ты из категории мусорных профессий-посредников. Риелтор. И деньги к твоим рукам прилипают по договорным отношениям. То есть ты берёшь деньги клиентов на квартиру, ставишь, прокручиваешь выигрыш, возвращаешь на счёт и всё, ты в шоколаде. А проценты от операции – твои.

Тень на несколько секунд замолк, затем развалился на стуле и посмотрел в потолок:

– Таких как ты часто портят родители, которые отмазывают своих отпрысков от проблем по жизни со своими связями ровно до той поры, пока они не приходят к выводу, что можно творить любую дичь, папа прикроет, мама простит.

Тень резко перевёл взгляд на собеседника, но не повысив, а понизив голос так, чтобы каждый прислушался к сути:

– Только есть одна сложность. Иногда, беспроигрышные ставки проигрывают. Миллионы тех людей, кто доверил тебе семейные накопления на жильё, сгорают. Но имея расписки на руках, тебя не могут взять за жопу правоохранительные органы. Ведь ты «скоро всё-все вернёшь». Вот буквально, завтра. Обманутый доверчивый клиент, если и подаст на тебя заявление в полицию, то делу ход не дадут. Переводы зафиксированы, переписка есть, но «нет состава преступления». Да у тебя и легенда наверняка заготовлена на все случаи жизни. Форс-мажор. Ты то в больнице лежишь, то бабушке умирающей из тайги помогаешь. Занятой человек, в общем. Но вот уже завтра обязательно отдашь. Не надо пода-

вать заявление. А попутно бегаешь в мыле, собираешь деньги с других людей, прокручивая их по той же схеме. И за счёт этого живёшь. А по сути ты – паразит. Но надавать на тебя можно только через гражданский суд, который будет тянуться годами. Ведь прописан ты наверняка у той самой мифической бабушки из глухой тайги. И даже если адвокат возьмёт дело, то документы, которые будут идти в суд по месту жительства как минимум пару раз потеряются. Потому что хитрожопый ты. И всегда есть знакомства на местах. «Занеся на чай» местным, которых ты хорошо знаешь, дело насколько раз потеряется, пробуксует, или будет тянуться до истечения срока исполнения. По итогу по закону ты ничего не вернёшь. Потому что закон на таких как ты смотрит сквозь пальцы. Перегруженной правоохранительной системе не до мелких мошенников, изображающих законопослушных граждан. Ты ведь «вернёшь, да»?

Тень рассмеялся в голос, и резко поднялся, сделав по направлению к собеседнику шаг, затем другой, и постепенно приближаясь в цели:

– Только когда в системе набирается критическая масса паразитов, она начинает самоочистку. Как кишечник с обилием каловых масс, вдруг начинает сначала пускать шептуна, потом пердеть как труба Иерихона, а затем просираться так, что жопа горит. Так вот, скоро и у тебя будет жопа гореть, чёрный риелтор-игрок. Два в одном. Сюрприз, да? Но вот тебе истина – оба таких чуда в коробке не нужны здоро-

вому обществу. А подчищая за собой хвосты по привычке от родителей, ты ведь напрочь забыл, что всегда есть место случайностям.

Зала погрузилась в молчание, когда оба едва не столкнулись нос к носу. Игрок застыл на стуле, бледный, как полотно.

– Азартная зависимость – лишь часть проблем, которые мы будем обсуждать в группе, – спокойно подытожил психолог, и уже собирался перевести разговор в другое русло, указывая тени вернуться на место, но тот приблизившись вплотную, вдруг заорал во всё горло:

– Мразь охувшая!

И пнул в грудь, сбивая собеседника вместо со стулом. Все подскочили разом, желая соучастия. Психолог, как и часть людей, бросилась к Тени, желая остановить потасовку, но другая часть группы уже получила достаточно информации. Так один из мужиков не стал бросаться к Тени, а бросился на поднимающегося риелтора.

– Сука, у меня из-за таких как ты ни квартиры, ни дома, ни хрена нет! И я ещё должен!

Без дальнейших разговоров он заехал игроку по лицу. Да так, что тот снова свалился. Часть группы перекочевала к новой потасовке, полностью переключая внимание туда. Пинали на полу игрока уже по принципу коллективной ответственности.

Мини-сообщество пришло к однозначному выводу, что

паразитам среди них не место и с возгласами «бей вора!», «мочи паразита!», «души пиздабола!», как следует разукрасило риелтору лицо, сломало рёбра, руку и разбило о колено стул.

Когда психологу удалось навести порядок в группе и призвать всех к относительному порядку, Тени и Дани уже и след простыл. Только листая листики приёма, тот никак не мог понять, что за люди посетили групповую терапию, оставив фиктивные данные. Они явно испытывали проблемы с гневом. Но если раньше мэрия города выделяла средства на разные группы для решения разных проблем, то урезание средств и унификация поместили в один час алкоголиков, наркоманов, дебоширов и игроков так, что ни один специалист долго не разберёт.

Тем более этим не будет заниматься тот, кто взял бесплатные часы для резюме или работает на половину ставки. Всё, что оставалось делать психологу, это составить фоторобот. Но из чувства солидарности он и каждый опрошенный член группы описывали других людей, даже не думая сдавать вожака и зачинщика. По тому же принципу коллективной ответственности. По итогу риелтору, попавшему в больницу с обильными ушибами и переломами, оставалось лишь рассуждать о возмездии, ведь все показания группы плавно сошлись на нём.

Карма работала даже в отдалённых городках. Со скрипом, с опозданием, но всё же работала.

Вернувшись в прожаренный солнцем салон автомобиля, Тень довольно улыбался и даже поделился мыслями на этот счёт:

– Ни одно общество не переваривает двух типов людей. Тех, кто постоянно пиздит и тех, кто выставляет это напоказ. Потому активисты хоть и ловят первыми сливки, в них часто же и тонут.

– Да я сам ему поджопника отвесил! – заявил довольный Даня, неожиданно для себя получивший отличную психологическую разгрузку. – А давай ещё к какому-нибудь мозгоправу ходим!

Тень, выбросив дорогой пиджак в окно, кивнул и ответил: – Конечно ходим, только сначала переоденемся. На разные сеансы в одной и той же одежде не ходят. Примелькаемся.

Обрадованный Даня остановил у магазина одежды. За суетой с господином некогда вспоминать о содержимом бардачка. Все проблемы вечером разгребёт с Мариной. У той работа такая – анализировать. А его дело веселиться.

Отпуск сам себя не отгуляет.

Для Дани осталось незамеченным, как Тень осторожно извлёк из широкого кармана брюк чёрную тетрадь и аккуратно зачеркнул ещё один пункт.

Иногда общество способно само решить свои проблемы. Нужно просто его направить. Но тот, кто укажет путь, должен точно знать куда и почему наносится удар.

Тень улыбнулся, но тут же скривился. На висок надавило. Похоже, что Дарк снова вырывался на свободу. А значит, остаток дня пройдёт без веселья.

Но будет новый день. И новые пункты. Главное, чтобы ячейки не переставали поставлять новую информацию. Механизм, налаженный Дарком, всё же отлично работал, стоило отдать ему должное.

Везде, кроме этого города.

Но Тень всё исправит... Должен исправить. И пока новый будущий мэр города катается рядом, лично инспектируя все проблемы, процесс преобразования идёт полным ходом.

Глава 6 – Всё идеальное – пошло

Соня так и не поняла, уснула ли она с листиком в руках? Или тот сам к ней пришёл среди ночи? А первое, что обнаружила по пробуждению, это пустую кровать рядом.

«Ну правильно, за раз привычку не приобретают. Дарку надо ночевать со мной как минимум три недели, чтобы рефлекс выработался», – подумала она и в лёгком расстройстве заметила, что глаза, ещё не проснувшись, уже бегают по **пункту 28**.

Звучал он до безумия просто: *«Съешь шоколадку. Да, просто съешь шоколадку»*.

Сказать, что настроение поднялось на весь день, значит ничего не сказать. Соня подскочила с таким зарядом бодрости, что утренний моцион перед глазами промелькнул на перемотке. И эта перемотка жизни словно остановилась лишь на холодильнике. Затем хруст орешков, безумие, агония... принятие.

Полностью очнулась только перед опустевшей обвёрткой. Итог печален – перед ней на барной стойке у кухонного гарнитура пустая кружка кофе. А шоколадку она съела такую, которой могло хватить на неделю, вздумай делить их по паре плиток в день на утро и вечер.

– Нет, к чёрту отвисшие бока! Гормоны радости надо при-

нимать всей пачкой. Или терпеть, пока она не накопится, – заявила она кружке и взялась за телефон, попутно изображая кручение педалей на стуле.

Энергии в теле столько, словно сегодня закончит сразу весь список. Вот только своё мнение напишет по предыдущему пункту господину и в бой.

«На воде прожить это одно! Хорошо для похудения и поддержания фигуры. Но зачем ты мне написал СЪЕШЬ ШОКОЛАДКУ! Хуже будет только если сразу весь торт в одну харю сожру. И ладно бы с зелёным чаем. Принято считать, что от него худеют. Но нет же... с кофе, который без сахара. Он явно усугубил ситуацию, и в сладкой шоколадке организм искал спасение. Расстроена. Ну зачем ты написал этот пункт?»

Отставив телефон, Соня принялась за зарядку. Растяжка, приседания, улыбка по утрам и комплименты себе стали почти привычкой и до истечения двадцати одного дня. Комплименты в отношении себя любимой были следующие: ранимая, чувствительная, сильная, любопытная, спокойная.

Но с последним очень хотелось разобраться как можно быстрее. И не придумав ничего другого, как раздеться догола, Соня выбежала на внутренний дворик и занырнула в сборный бассейн.

Пока плавала, вспомнила предыдущий опыт со свечой, воском и льдом. Вода хоть и прохладная, но не так бодрит, как вчерашние ощущения.

Затем перед глазами пронеслась мохнатка Полины. И внизу тела потеплело. Этот опыт вне списка ей явно понравился больше. Вернувшись в дом, Соня поняла, что там никого нет, включая чернявой.

– Где их всех только черти носят? – бурчала она, бродя по комнатам.

Но тепло внизу живот не уходило. Пришлось смотреть лесбиянок и довозбудиться под качественную мастурбацию пальцами с телефона в зале.

Но все эти действия словно только откупорили крышечку в бутылке её бесконечной энергии. Вернув рукам листик, она до того расхрабрилась, что позволила себе прочитать сразу три пункта подряд, то есть дочитать весь листик до конца, пока тот не вернётся в папочку.

По десять пунктов на каждом листике из уже обнаруженных. Первые два уже все в галочках. Вот и третий хотелось исчёркать чёрной пастой вдоль и поперёк, нарисовать рожицы, скомкать, а потом распрямить и разгладить снова, уложив в папку.

Пункт 29 звучал так.

«Прогулка в белом топике на закате на набережной или по улице. С зажимами для сосков. Что может быть чудеснее? Твоя задача – гулять непринужденно, как будто так и надо. Молчи на все попытки с тобой познакомиться, комментировать происходящее. Не замечай людей. От-

ключайся от мира среди толпы. Гуляй. Думай о своём. Но неси его через всю окружающую тебя массу так, как будто её рядом нет».

Следом шёл **пункт 30**, словно дополняя предыдущий.

«Гулять с анальной пробкой без нижнего белья по центру города. Желательно с

эффектом поддувания для юбки или платья. Твоя задача настолько привыкнуть к

ней, и тому, что нет белья, что совершенно должна совершать обычные вещи: есть

мороженное, разговаривать по телефону, идти под руку с подругой, болтать непринуждённо. Отдели жизнь и пошлость. Затем вспоминай, что давно совмещаешь одно и другое».

А **пункт 31**, что влез на листик словно в дополнении, но как фаталити добивал оба два, награждал этот слоённый пирог опасности и приключений красивой вишенкой.

«То же самое – пробку, но гуляешь с подругой. Да, один нюанс. У неё тоже должна быть пробка при этом. Как вы это обсуждаете – не важно. Это твоя задача – увлечь её своим примером».

Соня опустила листик, взгляд застыл. Подняв глаза к потолку, выдохнула и ему же и заявила:

– Ебаться в кружку! Что за дивный день? Похоже сегодня намечается вечер приключений на отдельно взятую точку. И для Мирки – это точно будет точка бифуркации без права

всё отмотать назад.

Совмещая приятное с полезным, Соня очистилась, приняла душ, затем, одеваясь, уже собиралась вогнать в себя пробку поглубже. Но задумалась, хватит ли одного заряда смазки на весь день? И сложив в сумочку флакончик со смазкой, не стала спешить. У подруги «воткнёт-оденет-наденет-вставит».

С довольным видом, Соня вновь вышла на жару раскалённого города. И оседлав блестящего Поршня, смело погнала его в одном ей известном направлении. Главное, что с ветерком.

Если действовать, то с последнего пункта. То есть – увлечь Миру.

Одно дело вставить пробку себе, это пожалуйста и дайте две. Совсем другое – предложить это сделать подруге, чтобы не послала с гениальными идеями к звёздам.

– Я сделаю проще, – призналась Соня Поршню, как старому, хорошо знакомому другу, которому и секс по дружбе можно для здоровья предложить. – Заеду в секс-шоп и куплю ей подарок. Что проще, чем заставить его опробовать?

Поршень довольно заурчал, прибавляя газу. А Соня, не в силах выбрать, купила с десяток анальных пробок, из которых уже в машине выбрала несколько, которые на её взгляд подходили подруге. А затем детской считалочкой выбрала одну единственную:

*Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана,
Буду резать, буду бить –
Всё равно тебе водить!*

Но выбор Соне тут же не понравился. И она вспомнила продолжение.

*А на следующую ночь
Я зарезу твою дочь,
А дочь не моя,
А дочь короля.*

Новый выбор тоже не понравился. И тогда пришлось напрячь память, вспоминая полный набор детской считалки-страшилки, которую урезали для совсем маленьких.

*А король на рынке
Смотрит на машинки,
Все машинки лопнули,
Старика прихлопнули.*

Выбрав подходящую анальную пробку, Соня сунула её в праздничный пакет и сказала Поршню:

– Неудивительно, что мы все выросли ебанутыми на всю голову с такими считалочками... Зато детей девяностых ни-

чем не испугать.

Поршень понимающе подмигнул фарами сигнализации. А Соня пошла в знакомый подъезд без приглашения. Подруга всё равно в отпуске. Делать ей нечего.

Открыла дверь Мира с видом человека, которому мужики не нужны от слова – никогда. Немытые нечёсанные волосы, засаленная кожа, старый халат, и запах курева на всю квартиру отлично дополняли синяки под глазами от бессонных ночей за сериалами.

– Господи, ты замуж вообще собираешься?

– На хрен? – буркнула Воронова, но в щёчку чмокнула. Обняв, пустив на порог без расспросов. – Буду я тратить лучшие годы жизни на стирку и уборку ещё, ага.

– Ну хер с тобой, я предупреждала, – улыбнулась Соня и засияв как новогодняя ёлка, протянула подарок. – А вот, кстати, и хер. Да с другой стороны!

– Чего это? – не сразу врубилась Мира.

– Ну ты же всё через жопу лучше понимаешь. Вот я и решила идти прямым путём, – добавила Соня и достала из коробки и свою пробку. – Попроказничаем?

– Твою ма-а-ать, – протянула Мира. – Так ты меня в пропащие зазываешь?

Но приятное удивление на лице отыграла улыбка. Огонёк в глазах проскочил. Соня выдавила на палец немного смазки, а остальной флакон протянула подруге.

– Иди. Одевайся.

– А... ты... а-а-а! – начало доходить до Вороновой, когда рыжая вдруг смазала свою пробку, немного наклонилась и ловко вогнала имитатор маленького мужчины под сарафан.

Приятная прохлада прошла волной от ушей до пяток. Пошмыгав носом, Соня едва удержалась от желания поруклоблудить прямо в коридоре подруги. Но запах возбуждения немного разбавил запах курева в помещении, и рыжая плутовка легко могла сказать, что от неё пахнет сексом.

Мира вышла из ванной комнаты с задумчивым видом, словно прислушиваясь к ощущениям. Соня едва сдержала смехок. Прикольно, только походка от кухни в комнату и обратно немного выдавала. Понятно, что трусы-парашюты одела для подстраховки под юбку. Но главное – начать.

И Соня, не желая ждать, пока пойдёт завтрак, и Мира снова закурит по одной-другой перед прогулкой, просто схватила подругу за руку и потащила гулять.

Не важно куда, просто ходить.

У Порше во дворе собралась вся ребятня района. И даже несколько мужиков с задумчивым видом спорили турбированный или нет, основываясь на диаметре выхлопной трубы.

Соня щёлкнула брелочком и перед ней толпа расступилась, как перед королевой на балу. А Мира прошла рядом, как скромный, но довольный вниманием паж.

– Это что... твоя что ли? – не сразу поверила подруга, даже когда села в салон и заиграла музыка вместе с работающим мотором.

– Моя, чья же ещё? – ответила Соня так, что отвечать больше ни на что не пришлось.

Выехав в город и загнав роскошный автомобиль на подземную парковку подальше от жары, Соня снова повела подругу под руку по городу. Они просто шли по улочкам, беседовали, гуляя без особого направления. Ровно так же, как говорил Дарк.

В процессе Соня лишь заметила, что идёт с игрушкой внутри свободно, без тени сомнения. И совсем не замечает внутри себя ничего. Лишь лёгкая едва заметная улыбка выдавал её игривый настрой, когда тёплый ветер пробирался под сарафан. В такие редкие мгновения прохожие могли заметить часть её зада. А может и чёрную пуговку чуть ниже хвостика-рудимента. Но это только добавляло ощущений.

Поздний завтрак состоял из мороженого, забрали на киносеанс с романтической размазнёй, откуда ушли на половине сеанса, перестав понимать фильм с цензом 18+, где из всех эротических сцен мелькнула лишь левая грудь героини, а сам главный герой отважно сказал по телефону «я трахал её киску».

Забредя в женский туалет торгового центра, закрылись в одной кабинке. Пробки высохли и начинали припекать. Требовалось снова смазать, чтобы продолжить путешествие без последствий для организма. Но если Соня сделала это с удовольствием, то непривыкшая к таким прогулкам Мира заявила, что с неё на сегодня хватит и убрала игрушку в сумку.

Соня лишь улыбнулась. Хватит, так хватит. И потянула подругу играть в боулинг-центр. Затем они пили пиво и гоняли бильярд, шопились, на спор разыскивая самые тонкие нитки-трусы. А когда рыжая после покупки последних, тут же сорвала бирку и запихала их в себя в раздевалке уже спереди, Мира признала, что по степени безбашенности та безоговорочно победила.

Подруга пыталась расспросить про подарок в виде автомобиля или жизнь в особняке на выходных, но Соня уводила эти разговоры в сторону, не говоря даже о том, что уволилась и третьи сутки не появляется дома.

Сама рыжая чертовка пыталась понять, почему отключился материнский инстинкт и где все внутренние призывы вставить мозги на место и вернуться домой?

В тот момент, когда эти мысли стали особенно острыми, Соня даже включила телефон и не глядя на сотни сообщений и звонков, набрала номер мужа.

– Как сын?

– Что ты сказала, сука? – раздалось по ту сторону. – Сын тебя интересуется?! Нахуй иди, прошмандовка. У нас всё прекрасно и без тебя!

Соня улыбнулась, как будто долго ждала этих слов. Возможно, все пять лет ей не хватало напора мужа. Даже тогда, когда жила с маленьким сыном одна весь месяц, когда у него резались зубы и он ночами не спал. А муж отдыхал в Крыму с мужиками, отправившись на морскую рыбалку и занимался

дайвингом. Но привёз вместо рыбы и морепродуктов только красные пятна на члене, которые и лечил две недели, пока снова не стал показываться ей пах в душе.

Вот только он забыл про выделения на трусах. А бельё стирала она. Каждые пару дней. На протяжении всех пяти лет.

Но эти три дня без хозяйки в доме конечно же перевернули его жизнь.

– Слушай меня, ушлёпок, – спокойно начала разбор Соня, не испытывая никаких ощущений в его сторону, ни гнева, ни сожаления. – Если устал от отцовской доли, моей маме ребёнка отвези на пару дней. А когда освободишься, вещи мои собери... И выбрось. Я новые куплю.

– Что? Что ты сказала?!

Соня почесала нос и продолжила:

– Я просто хочу, чтобы ты заебался от работы. Любой работы. Если ты хотя бы вспотеешь, пока будешь выкидывать мои вещи – отлично. А потом можешь потеть на своих шлюхах сколько захочешь... Меня это уже не будет касаться.

Последнее предложение Соня произнесла уже после того, как отключила связь. Что-то не давало сказать последние слова. Те, которую поставят точку. И окончательно освободят.

Она ничуть не сомневалась, что даст сыну достойную жизнь и без отца. Но идти подавать бумаги на развод в такой прекрасный летний день – кошунство.

Соня повернулась к подруге, подхватила под локоток и снова повела на улицу.

– Что? Плохо у вас всё? – тут же потребовала подробностей Мира, готовая своим массивным телом обнять, а на большую грудь даже принять голову подруги, чтобы принять все её слёзы и разделить боль.

– Плохо? – переспросила Соня. – Плохо это когда живо. А мёртвое давно не болит. Ты это... если найдёшь когда-то мужика, то попроси его собрать кровать. Если сделает без упрёков – хватайся за него обеими руками. Если начнёт бурчать или перекладывать работу на других – задумайся, нужен ли тебе такой. А если по итогу кровать будешь собирать ты, Мира, беги от него! Поняла?

Воронова кивнула, заполучив ещё один нерассказанный эпизод семейной жизни в копилку неполученного жизненного опыта.

Вечерами в городе тепло. Лето выдалось жарким и жарким не только от обжигающих лучей солнца, а от бурлящей в Соне крови. Та не текла, а бежала мощным потоком по венам.

Она стала чувствовать, замечать, хотеть, желать, мечтать. И задаваться вопросами – люди, кто вы все? Какие у вас мысли? Что скрывают ваши души? Догадываетесь ли о том, что я гуляю с секретом внутри себя?

Прохожие смотрели на неё, поддерживали улыбками настроение, но никто бы не сказал сразу, что эта милая девуш-

ка в лёгком белом сарафане, с распущенными волосами и совсем без косметики, вот именно эта девушка что, как ребенок облизывает пломбир и кокетливо смотрит на встречаемых, на самом деле так развратна так, что представить себе сложно.

Что за мысли блуждали в голове рыжей чертовки? Грязные, пошлые, развратные, они все были её, едва помещаясь в маленькой головке.

«Неужели это всё, как по взмаху волшебной палочки происходит, стоит мне вставить пробку или нацепить зажимы на соски»? – подумала Соня, добавляя последний ингредиент для прогулки прямо на набережной, прикрываясь Мирой.

«Уаля! Бессознательное тащит из мрака всю нечисть. И наши тайные желания порой так отвратительны и порочны, что не верится, что об этом может думать нормальный человек. А нормальный ли я человек? Я уже сомневаюсь в себе. Нормальная ли я? Нормально ли хотеть того, чего хочу я»? – продолжали ходить строем те мысли, пока соски набухли и стальные зубчики впились в них как зубы летучей мыши-вампира. Только пили из неё не кровь, а ощущения.

Купаясь в них как в облаках, Соня ощущала себя наркоманкой ощущений. Их столько, что хоть ложкой ешь. Разве может быть жизнь настолько разнообразной? Почему она её не замечала за пределами четырёх стен дома и работы?

Рассуждая на эту тему, Соня отправила подругу за сосисками в тесте, а сама села на лавочку писать отчёт, пока мыс-

ли горячие, верные и не потускнели за отходняком.

«Я исполнительна, Дарк. Если задание кажется мне по силам, сделаю. Я честна, если это не вредит моему статусу или самооценке. Я гибка, во всём, что касается тела или вызовам судьбы. Твои вызовы принимаю. Не все, не сразу, конечно, но принимаю. Пробка это не что-то ужасное, а скорее мой импульс для того, чтобы ощутить свободу. Свободу от чужого мнения, от предрассудков, от косых взглядов, от собственных нравоучений. Как восхитительно оказывается иметь один маленький предмет в попке. И как глубоко он может влиять на человека. Просто так взять и как по щелчку изменить мироощущение и себячувствование. Есть такое слово? Нет. Ну так теперь есть.

Мой отдельный респект человеку, впервые придумавшему эту вещь. С уважением, Соня».

Ощувив, как же ей легко стало на душе и свободно по жизни, Соня подскочила со скамейки, раскинула руки и начала кружиться на месте, распевая популярные песни. Не останавливаясь на этом, она флиртовала с парнями, пританцовывала рядом с грозными старушками и дедами, забавляла малышей, а одной группе ребятки даже всем купила по сладкой вате.

И всё это делала от души. Просто потому, что могла и хотелось.

И больше всего ей хотелось, чтобы этот вечер никогда не заканчивался. Потому что, глядя на заходящее солнце, при-

жимаясь к подруге плотно-плотно, она впервые плакала. Но не от ударов жизни, а от ощущения глубинного понимания, что время конечно. И за всю свою жизнь с удовольствием она прожила по сути лишь один день.

– Я люблю его, – утирая слёзы, призналась она подруге вдруг.

– Кого? – превратилась в слух Воронова.

– Дарка.

– Почему?

Соня смахнула последнюю слезу и добавила, отстранившись.

– Потому что он напомнил мне ради чего мы живём. Да что мы? Я! Он меня раскрыл. Понимаешь? Это как удар, отправляющий в нокаут. А потом ты поднимаешься и думаешь – а что было до этого? А ничего не было. Ты только очнулся!

Мира молчала, переваривая.

Соня тихо добавила:

– Ничего и не было у меня, понимаешь? До него не было. А теперь есть всё, но как-то иначе... Слушай, пойдём купаться, а? Мне плавать надо. Силы ведь ещё понадобятся.

– Для чего? – тупо спросила подгруженная подруга.

– Для того, чтобы его вылечить.

– От чего? – снова не поняла Воронова.

– Как от чего? От него самого! – ответила Соня, не в силах ещё более точно сформулировать ответ для человека-одно-сложного-вопроса.

Но она будет стараться. Изю всех сил.

Глава 7 – Цилиндрический корень

Внедорожник припарковался на обочине у леса, затем скатился по крутому наклону вниз и продолжил путь. Остановился он метров триста спустя, выключил фары и даже не думал включать аварийку.

По легенде должен слиться с окружающим пространством, не привлекая внимания. Летние ночи коротки, каждая минута на счету. Причина внутри. В багажнике. Завёрнута в ковёр.

Каким образом Даня оказался соучастником убийства, она даже не понял. Но теперь лопата в руках и цель одна – копать, копать и снова копать. С одной стороны, тяжёлый физический труд облагораживает и накачивает пресс. С другой – сердце вот-вот выпрыгнет из горла.

А всё так хорошо начиналось... Они просто пришли с Дарком к мозгоправу. Точнее, тот вопил, что ему немедленно надо его посетить и Даня на радостях от возвращения господина тут же выполнил это указание. Отвёл его на сольную встречу без записи на ночь глядя, а сам поехал отвезти автомобиль Марине и забрать свой внедорожник, на котором и вернулся за Дарком к зданию уже после заката солнца, логично посчитав, что часом терапии они точно не обойдутся.

Какого же было удивление, когда пассажир встретил его с

ковром на плече, выйдя из-за дерева. Фары показывают детали: проклятая пуговица рубашки вновь расстёгнута, а галстук пропал. И только пиджак в тему – скрывают алые пятна на белых манжетах и у воротника.

Порше 911 всё же придуман не для людей, понял в один момент Даня. Багажник в нём спереди и настолько маленький, что едва можно уложить сумку с вещами. А человека в ковре – невозможно.

«О чём вообще думали производители»? – отметил для себя водитель.

То ли дело вместительный джип – автомобиль деловых людей. Вот и четыре ведущих колеса пригодились на загородной трассе. Отработал всю городскую прожорливость, едва свернули с трассы на бездорожье.

– Что, вообще, произошло? – спросил Даня, заглушив мотор и продираясь сквозь кусты по лесистой местности.

О сокрытии следов преступления он не знал буквально ничего, начиная от того как плутать, и заканчивая тем, как сбивать со следа поисковых собак.

«Но может, прокатит на первый раз? И мозгоправы не настолько уж и нужны миру»?

В свете переносного окружного фонаря махать лопатой – занятие на любителя. Но напарник в чёрном уверял, что самое сложное снять дёрн. А дальше легче будет. Только с каждым новым взмахом Даня понимал, что не будет легче. Разве что, будь он рыбаков. Червей столько в комьях земли копо-

шится, что хоть в баночку собирай и продавай на трассе.

Нет, в свою удачу он бы поверил в этот момент лишь если лопата наткнулась на сундук с сокровищами.

– Ну как что? Долгого разговора тет-а-тет не получилось, – вздохнул Тень, присев на тот самый труп в ковре, как на скамейку. – Дарк вежливо спросил его, что с нами происходит. А этот пентюх мне про цилиндрический корень начал рассказывать, и что я маму свою всегда хотел трахнуть. А когда первый раз посмотрел на письку бати в душе, моральную травму получил. И столько оказывается во мне детских неожиданностей накопилось, что на одного человека не хватило. Вот мы и разделились, чтобы охуевать от происходящего по отдельности.

– Какой ещё нахрен цилиндрический корень? – только и спросил Даня, потея так, что пот заливал глаза.

А яма только на коп лопаты получилась. В такой разве что ботинок можно похоронить достойно.

– Цилиндрический корень – это набор информативного мусора, который используют инфоцыгане в первые минуты общения, – объяснил соучастник. – Чтобы ты ни хрена не понял и потерял бдительность. А когда мозг замкнёт в определениях, можно пихать в тебя уже любое дерьмо. Информационные фильтры забиты, засорились в тщетной попытке переварить то, что и глотать не стоило. Понимаешь?

– Нет, – честно признался Даня, но добавил. – Но маму то за что?

– Потому что мама – всегда самый близкий человек для любого. То есть в 99 случаев из 100. А кого обвинять во всех собственных бедах взросления, созревания и становления, как не близких людей? Человек всегда считает, что ему кто-то должен. Но если общество его пошлёт подальше при первом же запросе, то мать хотя бы постарается объяснить, почему он не прав. В понятии инфоцыган, что как наследники фрейдизма, готовы перетрахать всё, что имеет отношение к твоему мозгу, её нужно обвинять в первую очередь. Идёт смена человеческих понятий психологическими, Даня. И белое становится чёрным, чёрное – белым. А всё потому, что прозвучало много ранее не слышанных определений. Да вот только по определению наш господин психолог – гондон. Но чтобы это понять, его нужно раздеть. Нутро гнилое, понимаешь?

Даня невольно посмотрел на ковёр. Разворачивать его содержимое не хотелось. Наверняка накапал кровью в багажнике.

«Снова вести в химчистку. Скоро станет проще выкупить весь комплекс у старика Анзора или брать годовую карту клиента, вздумай такие изобрести для самых явных замарашек города», – невольно подумал водитель.

Тень подвинул поближе к себе фонарик, достал из брюк черную тетрадку и зачитал:

– Наш почивший Олег Данилович по сути декодирующий сознание. Только знания, которые прочие мозгоправы

направляли на кодировку от алкоголя, курения и прочего усиленного онанизма в полном расцвете сил, он применял в целях личного обогащения. Засрёт человеку мозг о том, что каждый шаг имеет последствия в кармическом плане, а тот поверит и из дома выходить лишний раз боится, на счёт КАЖДОГОГО своего слова задумывается и со специалистом советуется. Платно, естественно, а Олег Данилович только брошюры с рекомендациями пишет и издаёт. И каждую такую за половину зарплаты мнительным людям продаёт.... Продавал.

Даня сплюнул и продолжил копать.

– Будь у офиса секретарша, она наверняка подняла бы панику. Но у частников экономия – работают сами на себя, и другим платить не желают, плодят количество самозанятых по стране. Не говоря уже об охране. Проблема Олега Даниловича в том, Даня, что он сам со временем начал верить, что исправляет людям карму, то заставляя тех поститься и отмаливать грехи как мракобес, то копаясь в их далёком прошлом, где наверняка наследили «девяностые». Но то, что общество даже не заметит, этот специалист, обвешанный дипломами, старательно подчеркнёт красным цветом и любую незначительную деталь раздует. Вот и получается, что человек просит у бога прощения, что дергал девочек за косички в школе, а переводя на современность – извиняется за любой косой взгляд на человека. Так Олежа вырастил армию почитателей, доноров и абсолютных чмошников, не забывая

прививать им чувство постоянной вины. А она нужна, чтобы рядом та армия болталась, и не ушла на сторону. Тогда уже не так важно, станешь ли ты веганом, будешь жертвовать храму, пойдёшь в активисты-добровольцы-волонтёры, главное, чтобы про Олежу не забывал и на жизнь ему денег подкидывал.

Даня разделся до трусов, окопал яму и залез внутрь, углубляя середину. Пот тёт по всему телу, как в бане. Слова Тени в то же время успокаивали. Так что в эту ночь при полной луне он лишь могильщик на их маленьком персональном кладбище за городом. Месте, на котором стоит закопать многих, чтобы ещё большему количеству жилось лучше. Но здесь места всем точно не хватит. Да и одного могильщика – маловато.

Разные мысли приходят, когда работают руки.

– Убийство по воле случая это одно, а если на войне или за дело – другое. За дело всегда как-то проще выходит, просто минуя посредников. Да, Даня? – разогнал мысли Тень. – Вот ты веришь в гомеопатию или уринотерапию?

– Нет. Если человек пьёт мочу, то скорее по личным убеждениям. Или ему это нравится, или нравится смотреть, как мучаются другие.

– А люди верят. И переломы пытаются сахарными шариками лечить. А когда не получается, тут конечно молитва поможет, ну и карму подлатать бы. Тогда лучше пойдёт. Да, Даня?

– Я не понимаю вопроса.

– А ты, когда машину Марине отвёз, из бардачка заряд вытащил?

Даня застыл, глядя перед собой, потом начал копать вдвое активнее.

– Забыл.

– Вот в этом и дело, Дань. Ты тупой просто, – вздохнул соучастник. – Как и все люди порой. Вместо того, чтобы самим разобраться в процессе, начав уже нести ответственность за получаемый информационный поток, они говорят – всего слишком много, мне это не нужно! И доверяют процесс отсева другим людям. А сами верят на слово «специалистам». Отсюда у нас столько паразитов и посредников. А хуже всего, что все посредники часто и есть паразиты. Придумывая цилиндрический корень, они говорят заряжать воду. И люди заряжают, подвергаясь массовому эффекту плацебо. А этот эффект может дойти до крайностей, Даня. Понимаешь?

– Как это?

– А как в сказке, Дань. Людям нужны чудеса. И их выдают на три короба с поверхом. И кто больше врёт, тому больше веры. Тогда подобные существа набираются наглости и уже просто называют людям цифры вразнобой, и говорят повторять их как молитвы, и... близкие оживут! Чудо же? Чудо, конечно. – Тень поднялся с ковра и покачал его ногой. – Вот все блядь трупы восстанут из могил, или кремированные соберутся воедино или давно сгнившие кости обростут пло-

тью... от такой всечеловеческой тупости. Конечно, такие будут верить потом во что угодно, выжигаемые вышками связи мозги, чипирование жидкими вакцинами, перестройку ДНК генно-модифицированным картофелем. Ведь там есть слово «ген». А ген это уже что-то своё, глубинное, особое. То, что трогать нельзя, иначе деградируешь. От внешних воздействий, а не от отсутствия конкретных знаний, конечно. Мы ведь все с рождения уже гениальные. Куда нам научные данные? Они все от лукавого! Чур меня! Чур!

Тень говорил бы дальше, распыляясь, а Даня копал бы снова, уже не чувствуя забитых рук, ног, живота и спины. Но тут существо в ковре забормотало, зашевелилось и Даня рванул из недокопанной могилы спринтером.

– А-а-а! Он живой!

– Ну, конечно, живой, Даня, – спокойно подтвердил Тень. – Ты же копаешь могилку для своего первого мракобеса. Этот, в отличие от всех гадалок, шаманов и составителей гороскопов, умён. Инстаграмов и блогов не ведёт, рекламу не даёт. Завуалировался так, что людям его сразу не раскусить. А кто поможет человечеству, кроме толстого потного человека с лопатой?

– Я... для своего... чего? – сухо повторил Даня.

Тень кивнул и подхватил лопату.

– Пустите меня, суки! – кричал Олег Данилович в то же время ровно до той поры, пока похититель не поставил ему на грудь ногу и провёл по носу остриём лопатой.

Побежала маленькая капелька крови, скатилась в глаз. Мир тут же предстал в розовом свете, что сбило желание кричать.

Тень склонился над ним и снова заговорил:

– Помнишь Анрюшу? Мама звала его ласково Андрюшатиной. Но не потому, что хотела трахнуть, псих ты поехавший. Он её любил как мать. Но даже не думал переспать с ней. Это всё в твоей больной голове. Давай на миг забудем про твои приукрашивания реальности, и я расскажу тебе всё как есть. Как было... пока ты не капнул капельку крови ему на глаза, так сказать.

Тень оседлал ковёр, и расчертил на лбу ответственного мозгоправа с многолетним стажем и обилием дипломов крестик остриём. А затем тихо продолжил:

– Андрюшатиной его звали даже во дворе. А всё потому что мальчик рос большим, даже мощным, но немного робким. При стати под два метра к своему совершеннолетию он не занимался культуризмом, но всегда много читал, самосовершенствовался и был добрым и ответственным, только чуть неуверенным в себе. Эту «ошибку природы» он решил исправить, обратившись к тебе. Первые полгода ты даже его активно слушал, срубая деньги лишь за долгие разговоры ни о чём. А потом вдруг понял, что лечить нечего. Он приходил к тебе поговорить, так как с книгами он разговаривать не мог. Только слушать их мог, вникать. И ты написал ему первую брошюру. Где были все ответы на волнующие Ан-

дрышу вопросы. Он так обрадовался, что ты стал его кумиром. Все следующие брошюры он скупал в числе первых. И читал, читал, стараясь проникнуть за суть слов. А суть была лишь в одном – ты постоянно говорил людям, что они виноваты. Ты искажил, сука, само понятие кармы. Но если бы любой буддист пришёл в ужас от твоих слов и проклял тебя на забвение, то твой научный портфель знаний позволил тебе создать некую базу, на которую можно было опираться. Черпая из всех религий, мировоззрений, научных статей, ты создал нечто своё. Мини-секту, только в отличие от всех ебанатов, что ставили там себя на место богов и трахали всех послушниц, остальных подсаживая на наркотики или криминал для «коллективного сплочения», ты словно оставался в стороне. На место поклонения вышла книга. Тот самый набор нелепых брошюрок, первые слова которых цепляли людей. Ведь вместе с призывом покаяться, а наши люди любят во всем каяться, ты попутно тут приводил примеры своих чудесных исцелений на сеансах. Сами сеансы и людей ты выдумывал из головы, их не проверить. Но включив фантазию и начав пиздеть, ты уже не мог остановиться. И начал подавать себя как посредника между богом и пациентом, где любая твоя рекомендация становилась абсолютной истиной, с которой даже не поспоришь. А чтобы лучше понимали, вместе с брошюрками ты начал выдавать людям лекарства от депрессий.

– Что ты от меня хочешь?! – закричал Олег.

Но Тень лишь стукнул по зубам лопатой, разбив губы и продолжил:

– А суть в том, что Андрюша очень изменился за год твоего «лечения». Там, где лечить нечего было и хватило бы пару советов насчёт получения первого опыта с девушкой, хобби с друзьями-единомышленниками и занятием спортом, ты напрочь выжег ему мозги таблетками. От более лёгких постепенно подсаживая на более тяжёлые антидепрессанты. Там, где не было никакой депрессии, действительно сначала появилась тревожность, потом депрессия отката, потом зависимость, а потом всё покатила под откос. Сама жизнь! Сначала Андрюшатинка перестал выходить из дома, потому что постоянно проверял закрыта ли дверь, выключен ли газ, застёгнута ли пуговица на джинсах. Он перестал верить себе, понимаешь? Всю веру у него сожрал ты, Олежка. Веру в себя. Дошло до того, что он начал просить разрешение сходить в туалет у матери, а когда спускал воду, неистово молился, что поток по канализации не повлияет на мир в негативную сторону. Каждый шаг в собственной комнате стал для него персональным адом. Он задумывался над тем, каким должен быть следующим новый шаг, на левую или правую ногу? Какой из них ИСТИННЫЙ? А за ответами... конечно же, лез в твои брошюры. Мать с отцом сжигали их, выкидывали, пытались вернуть его институту, устроить на работу, но Андрюша выпал из понимания норм общества. У него выгорел мозг, он поклонялся твоему мнению о мире, что стал

для него единственно правильным. А абсолютный катарсис наступил, когда организм не справился с новой порцией лекарств. Но, как ты помнишь, Андрюша был крепкого здоровья. Вместо отказа почек или сердца, отказал сам его мозг.

Тень посмотрел на Даниила, протянул лопату. Тот несмело подошёл, взял за черенок.

– Ты выжег всё, подчистую, Олежа. Теперь седая не по годам мама водит Андрюшу по улице, уже сама решая каким будет его следующий шаг. Потому что ему стало всё равно. Понятие личности стёрлось. Это даже не синдром Дауна. Это пустота при здоровом теле. Полностью твоя работа. Ты – диверсант мозга. И таких Андрюш по стране от твоих брошюрок великое множество. И если ты так привязался к понятию кармы, то есть «воздаянию», то можешь считать, что она тебя и запихала в ковёр, а теперь рукой Данилы сотрёт ухмылку с твоего самоуверенного лица. Ты не бог, Олежа... ты просто обманывал людей, уничтожая жизни и заставляя души страдать.

Тень поднялся и встал в ожидании. Даня посмотрел на остриё лопаты, перевёл взгляд на недочеловека в ковре, и снова посмотрел на Тень.

– Чего ты ждешь, Даня? Следуя его логике, это не ты его убиваешь. Это карма за Андрюшу действует твоей рукой. Давай мэр, сделай реально город чище и лучше.

Даня передёрнул плечами, вздохнул и заявил:

– Ну... надо так надо.

Руки, привыкшие со всей силы вонзать лопату в сухой дёрн земли, без проблем пробили гортань до самых позвонков. Ещё захлебывающегося кровью «первого диагноста кармы» Тень отправил в яму одним пинком. Ковёр размотался, распахнулся и обмякшее тело скатилось на дно.

– В добрый путь, Олежа, – добавил Тень, укрывая тело ковром. – На самое дно миров. На ответственную консультацию к чертям у сковородки, так сказать.

После чего он повернулся к сообщнику и снова сказал:

– Закапывать всегда проще и быстрее... Жду тебя в машине.

– А ты? – невольно обратился к господину на ты Даня, так как взмах лопаты словно поставил его на ступеньку выше в некоей иерархии свобод.

Тень если и заметил оговорку, то вида не подал. Осторожно вычеркнув под светом фонаря очередную строчку, он зашагал по подсвечиваемой луной тропинке к дороге, обронив через плечо:

– Мне надо свериться со списком... похоже, нам надо будет прокатиться в соседний город. Ты ведь ничем не занят до конца месяца? Не помню, когда в последний раз тебе звонила госпожа... у вас вообще всё в порядке?

– Ну это... да, – ответил Даня и принялся закапывать могилу. Кидая комья с червяками обратно в яму, он уже не был уверен ни в чём. И лишь обещание, что вскоре станет мэром немного бодрило.

Там, сидя в кабинете и упиваясь виски вечерами, он точно наймёт пару-тройку копателей, чтобы никогда больше не закапывать врагов обществ самому... Лишь бы не пришлось со временем закапывать самого Дарка. Или Тень как тот же дефект в мозгу Андриюшу, это необязательное явление и со временем иссякнет?

Когда-то же должны закончиться пункты в Чёрном дневнике.

И лишь предутренний утренний стрёкот кузнечиков, да заря нового дня подсказывали могильщику, что это будет не скоро.

– Похоже, весь оставшийся отпуск придётся ударно потрудиться, – обронил Даня, утрамбовывая землю лопатой. Постучав по последним комьям как следует, он тихо добавил. – Ну, удачного диалога там с Анрюшей. Пусть карма сама вас рассудит.

Одевшись и закинув лопату на плечо, Даня широкой походкой отправился обратно к автомобилю. Внутри из всех ощущений было лишь желание попить и умыться.

Угрызение совести – это для избранных. Исполнители просто копают.

Глава 8 – Отличное задание!

Новый листик из «Золотого списка» с Соней не шутил. Состоящий из девяти пунктов, он был так же приятен в руках, как прохладная махровая простыня.

В доме было полно изменений. Некогда младшая чернявая госпожа менялась безвозвратно. Едва придя в себя от шока на лестнице, куда-то пропала на весь день, но уже сутки спустя решила, что нижней ей будет даже лучше.

Прислугой, которая знает своё место.

Словно показывая свою преданность бытовому рабству, Полина уже не снимала униформы развратной горничной из секс-шопа весь день в особняке. А чтобы точно соответствовать амплу, подала госпоже завтрак прямо в комнату.

Пока рыжая чертовка наслаждалась кофе, просыпаясь, Полина наглядно демонстрировала, что утро может быть добрым не только на словах. И всячески пыталась услужить.

Соня держала её на коротком поводке, толком не понимая почему это задание Дарка не может быть выполнено так, через своих.

Старание Полины превращалось в подбострастие. Всё могло пойти и дальше, если бы безумно не хотелось пописать.

Мысль сначала просто промелькнула в голове рыжей чер-

товки, потом обозначилась в чёткую форму, а затем Соня просто схватила Полину за чёрные локоны и придержала в сантиметрах от своего естества.

Полина только глазами захлопала. Но искра любопытства быстро переросла в искру понимания. Ровно так же, как искра интереса в глазах Сони стала неумолимым пламенем... разврата!

Струя ударила в приоткрытый рот.

Полина дёрнулась, пытаясь что-то сказать. Такого себе не позволяла даже она с Даниилом! Но рука госпожи держала крепко за волосы. Оставалось только сжать плотно губы и прикрывать глаза.

Горячий поток не обжигал, но согревал щёку, резкий запах ударил по обонянию, мешая дышать. В то же время солоноватый привкус поселился во рту, и язык нет-нет, да и пробовал на вкус.

Будь моча дневной, после обилия персикового сока или иной приятной жидкости, она могла быть другой, возможно более приятной, но накопившаяся и застоявшаяся с ночи, заставляла Полину страдать и испытывать отвращение.

Только глаза преданно смотрели на хозяйку, что из госпожи вдруг обрела другой ранг. Та просто одним действием перевела её из нижней в бесправную рабыньку, у которой не спрашивали разрешения.

Чего она хочет – больше не имело значения.

И Полина вдруг поняла, что сознанию хотелось отбивать-

ся от этого и кричать, а вот тело, напротив, возбуждилось до предела и между ног сначала стало жарко, а затем просто по-лилось.

Не сдерживая себя, она тоже принялась мочиться на кровать, обливая юбку и колготки следом.

– Сука-а-а-а! – в то же время закричала Соня, подскакивая с кровати.

Ей хотелось унижить, а не возбудить нижнюю.

Что пошло не так?

Позволив себе прикоснуться к вагине рукой, Полина принялась кончать. От всех ощущений её распирало изнутри. По губам перестало бить тёплым. И тело вырвало крик.

– Да-а-а!

Соня со злости просто плюнула в него.

Полина, ещё не осознав происходящего, сглотнула и притихла, выказывая покорность.

– Простите, госпожа. Я всё-всё уберу.

– Да уж убери! – приказала Соня, убегая на кухню.

Мысль «что это было?» пришла лишь несколько минут спустя, когда восстановилось дыхание. Но желание говорить пришло гораздо позже.

– Поля... ты чудо, – наконец выдавила из себя Соня уже на кухне.

– Госпожа... ты невероятна, – ответила Полина, больше даже не думая дерзить.

Не зная, что ещё сказать друг другу, разошлись. Полина в

коридор, Соня за стол пить кофе.

– Принеси мне зелёную папку!

– Да, госпожа.

Вскоре вчитываясь в почти в самые верхние строки листа, Соня изо всех сил пытается запомнить пункты.

Пункт 32. *« Проведи время с сыном. Без мужа, без родителей. Просто с ним наедине. Это твой ребёнок. Несмотря на обстоятельства, у вас должен быть контакт».*

Пункт 33. *« Родители – это важная часть жизни. Поговори с матерью тет-а-тет. Душевно, не спеша, спроси её о ее страхах и надеждах. Поделись своими. Намекни, что ты в последнее время решаешь их один за другим. И не намерена останавливаться. Скажи, что ты её любишь. И она для тебя всегда очень важна. Обнимитесь обязательно».*

Пункт 34. *«А что отец? Давно ты с ним разговаривала? Тогда назови его любимую спортивную команду. Ну или вспомни любимый цвет».*

Соня подняла голову, решая не читать дальше.

– Какого хрена, Дарк? Что за сопли? На что ты меня подписываешь? Где мой разврат и... и...

Она запнулась, ощущая гнев, поднявшийся изнутри.

Рыжая чертовка не могла понять его причину. То ли он задел за живое. То ли по-прежнему существовала преграда, точно отделяющая тот мир от этого.

Тот, правильный и скучный, с внутренними ценностями, от которых порой дышать невозможно. Они опутывают из-

нутри, сжимают снаружи, обязывают и не дают рта раскрыть, чтобы выразить своё мнение.

«Потому что не может быть у дочери «тридцать плюс» ещё своего мнение. Вот сына на пенсию отправлю, тогда и появится», – подумала невольно Соня.

И этого. Её маленького мирка, такого уютного, без барьеров, предела и каких бы то ни было моральных обязательств.

«Какой мир правильные и лучше? И какой из двух – мой по-настоящему?»

За ответами Соня вернулась в спальню, где Полина активно наводила уборку. Раздевшись догола и даже не думая одеваться после душа, она меняла постельное бельё и сушила матрас.

Соне стало даже неловко, прокрутив в голове прошлый эпизод.

– А где все?

– Не могу знать, госпожа, – чернявая достала телефон. – Но судя по треку, Даня свалил в ближайший город. У него рабочий отпуск же. Марина ночует на работе, писала не ждать. Глеб, видимо, ошивается где-то рядом с ней. А Дарка я тоже давно не видела... или его тень.

Соня посмотрела на жёлтое пятно на матрасе, скривила губы. Всё же некоторые необдуманные действия имеют последствия.

– Ты это... не в обиде на меня? – произнесла она.

Старалась ровным тоном, но получился едва ли не прося-

щий, умоляющий, даже немного милый, что точно выходило за пределы образа госпожи.

Полина резко распрямилась и повернулась. Глаза сверкнули искоркой. И она честно призналась:

– Обида? Нет. Это... лучшее, что когда-либо со мной случилось. В голове остался один космос. Я ещё не скоро приду в себя. Но чем больше об этом думаю, тем больше улетаю.

Соня поняла, что краснеет.

Скрывая это, она тут же шмыгнула в коридор.

«А может Дарк и прав. Надо действительно покинуть особняк и немного пожить старой жизнью, чтобы на новую посмотреть под другим углом?».

Приведя себя в порядок, хозяйка запрыгнула в Порше в гараже и без звонка нагрянула домой. В квартире её ждал хаос. Пыль словно собиралась повсюду месяцами. Грязь встретила с самого порога. Затхлый воздух бомже-притона разве что не пах алкоголем и сигаретами, но по комнатам носились оттенки не стиранных трусов, носков, а одежда и игрушки валялась просто повсюду. То есть по мнению мужчин, «аккуратно была развешана по стульям, подлокотникам, изголовникам и прочим диванам-кроватям».

Муж встретил в одних трусах и фуфайке с бутылкой пива и пятном от рыбы. Сын вышел из кухни в трусах и с бутылкой лимонада, подражая папе. Только на нём была майка, обилие пятен на которой говорило о каждом приёме пищи.

Судя по виду, питался ребёнок в последние дни в основ-

ном майонезом и кетчупом.

– Собирайся, малыш, – улыбнулась Соня. – Пока тебя не забрала ювенальная юстиция от такого милого папки, я лучше отправлю тебя до конца лета пожить у бабушки.

– Вот ещё! – возмутился муж. – Ему и дома неплохо живётся. Правда, сын?

Сын на всякий случай кивнул и сыто ругнул лимонадом, очевидно снова подражая папке, что проснулся пораньше только потому, чтобы побольше посмотреть футбол или посидеть за компьютером.

Соня вздохнула, понимая, что сколько бы лет не отдала воспитанию, отцу хватит и пары дней, чтобы стереть о них любое воспоминание. Тут и спорить не о чем.

«Ему оказалось лень даже выбросить мои вещи».

То есть в теории она давно с ним разошлась, и вступала на территории некогда родной квартиры как рыцарь в логово дракона с копьём наперевес. Заранее готовая к драке. А на практике за четыре дня отсутствия не изменилось ничего.

«Он просто не понял».

Только пыль, грязь и хаос поселились в квартире, взывая к её внутренней хозяйке одной фразой: «наведи порядо-о-ок»!

«Беззаботное, конечно, время жизни – шесть лет. Садик уже закончился, а школа ещё не началась. Но всему же есть предел», – подумала Соня, но снова поняла, что не хочет ругаться.

Не потому, что нет злости и гнева на порушенный распорядок, а потому что не на кого. Перед ней было одно сплошное пустое место, которое когда-то почему-то обнимало, клялось в любви и верности и занималось с ней любовью не только на словах, но и по факту. Вот только как давно был секс, она уже и не помнила.

– Так, один одевается быстро и вспомнит, что значит горячая вкусная еда. А другой может открыть форточки, пока не сдох от собственного пердежа. А если забыл, как пахнет мыло, то напоминать не буду.

Соня победно сложила руки на груди. Потому что мелкий без всяких дальнейших разговоров метнулся в комнату и оделся так быстро, как никогда в жизни.

Муж, скрипя зубами, залпом допил пиво. Не отводя взгляда, он наверняка проклинал её, но это там внутри, в её воображении. А здесь, в реальном мире, она была красиво одета, отлично выглядела и от неё не пахло мусоркой с рыбными костями.

– Мой тебе последний совет, – обронила рыжая чертовка, открывая дверь и кидая мужу ключи. – Устройся на работу... Здесь я больше не появлюсь. И он тоже.

Бутылка прилетела в уже закрытую дверь.

– Ну и проваливай, дура! – донеслось по ту сторону приглушённо.

Сын вздрогнул, пригнув голову. В его глазах отразилось полное непонимание происходящего. Они тут же налились

слезами, нижняя губа задёргалась. Но он не позволял себе плакать. Только за руку крепко сжал и зашагал по лестнице молча, громко топая.

Соня поняла, что этот момент существу по ту сторону двери никогда не простит. Муж мгновенно стал бывшим. И её больше не заботило, оформлено ли это юридически.

Он мог отыграться на ней, захватить пощёчину, схватить и трясти, добиваясь ответов на вопросы. Но почему предпочёл отыграть на публике, вмешивая сына? Почему ему не пришло в голову поговорит с ней наедине? Потому что не о чем? Или потому, что не знал, что сказать?

Много вопросов без ответов. А на выходе у Порше в сомнении мнётся маленький мальчик с мокрым пятном на шортах. Его не интересует марка маминой машины, ему стыдно сесть в неё, потому что не смог удержать страх.

«Страх перед отцом оказался сильнее. И в этом слабость мужа как родителя. Прости, милый, но последний шанс ты сегодня упустил», – подумала Соня и решительно отодвинула сиденье, разрешая сесть сыну на заднее место в автомобиле. И так нет детского кресла, поэтому постовому будет интересно почему возит мальчика с явными признаками дискомфорта на шортах.

– Мам, но я...

– Ничего страшного. Укутайся в полотенце там сзади, а это всё выбрось.

– Но как же я поеду?

– Сейчас заедем в магазин, и я куплю тебе новую одежду.

Чистота салона – понятие второстепенное. Но Соня вдруг поняла, что дала ребёнку право выбора самому избавиться от грязных трусов и шорт, а не по привычке сама сняла всё и не передела, не спрашивая его мнения.

Значит, она начала ценить его как личность. Тогда как личность с недельной щетиной, что смотрела на них с ненавистью в окно, перестала иметь для неё любое значение и от «он» плавно скатилось в понимании к «оно». И слёзы отчаянья в глазах оно уже не имели никакого значения.

Не особо задумываясь над потерями на банковском счёту, Соня забила покупками весь маленький багажник и почти весь салон автомобиля, сложив сумки и на переднем сиденье. В голове уже сложился план и понимание, что ближайшие месяцы сын проживёт в доме родителей. В особняк взять его она не может по морально-этическим причинам, а нейтральной территорией, куда он сможет приходить после школы делать уроки и спать, пока не обзавелась. И есть подозрение, что на решение этого вопроса у неё будет как минимум год, потому что в этом году она отдавать его в школу ещё не собиралась.

– Ничего не бойся, малыш. Поживёшь у бабушки остаток лета. А осенью присмотрим себе квартиру попросторнее у школы.

– А у меня будет своя комната?

– У тебя будет всё, – ответила тут же Соня и мудро доба-

вила. – Но всё только нужное.

– А папа? – вдруг прозвучал вопрос.

– А если считаешь, что тебе нужен папа, будешь с ним видаться по желанию и мере необходимости.

– А он не будет жить с нами?

– Если не хочешь снова мокрые штаны, то нет, – ответила Соня. И вопросов больше не было. Сын насупился и молчал до самых ворот загородного дома родителей.

Бабушка встретила с распостёртыми объятьями. Вместо того, чтобы выговаривать, почему дочь не берёт трубку, она только обняла крепко и в щеку поцеловала, заявив:

– Как же я по тебе соскучилась.

И тут Соня осознала ещё один важный момент в жизни. Мало того, что чем дальше живут родственники, тем больше по ним скучаешь, так ещё и правильная родня всегда рада тебя видеть и не будет задавать лишних вопросов или пенять на то, что приехали без звонка. Мама поймёт, папа простит. Хотя бы за то, что привезли внука.

Все три пункта Соня невольно осуществила ещё до обеда: с сыном плескалась в надувном бассейне и каталась на велосипеде вдоль просёлочной дороги и у леса, с матерью лепила пирожки и обсуждала последствия развода, а с отцом рубила и таскала дрова в баню и на шашлыки на вечер. Как оказалось, любимый цвет его синий и болеет он за СКА. Но терпеть не может футбол, а предпочитает хоккей. И чтобы подчеркнуть важность этого момента, Соня заказала майку

любимого клуба для родителя. И уже к вечеру её доставил курьер. Так что весь ужин отец не снимал жаркую, но так полюбившуюся ему джерси. А внук почти не слезал у него с колен, расспрашивая о хоккее.

И тут Соня заметила, что сын впервые проявил интерес к спорту. Если рядом с отцом на диване он в основном залипал в планшете, не обращая внимания на мячик на травяном поле, то о шайбе на льду посреди жаркого дня слушал с интересом, даже не видя картинки. Дед даже ворота обозначил в гараже, открыв одну створку, клюшку выстругал самодельную и они оба до ломоты в руках били по теннисному мячику, по очереди загоняя его «в ворота».

Закат она встречала с шампуром в руке, полным свиных ароматных кусков с хрустящей корочкой, вялеными томатами и луковыми кольцами. Глядя на внука и отца, Соня поняла, что отправит обоих в Питер по осени. А может и сама поедет, на экскурсию там, на хоккей, для повышения культурного уровня образования. Ребёнка не долго запихать в школу, но лучше дать перерыв, и привить интерес к путешествиям и открытию всего нового. Чтобы научился сравнивать, что есть результат летящей над головой бутылки, а что истинная забота матери.

Откусывая сочный кусок мясо, Соня в который раз за день для себя поняла, что ощущает мир по-новому. Половина лета позади, а она почему-то лишь в первый на природе с семьёй. Что мешало раньше посветить выходные не запойным

подругам, а семье? Или само понятие семьи атрофировалось благодаря тому, что человек в трусах и фуфайке семейными посиделками считал исключительно просмотр телевизора под чипсы и попкорн? Или оправдание, что она работает почти каждый день и хоть один день в неделю хочет посвятить себе, перевешивал все летние мероприятия?

– Мам, я попал в яблочко! – донеслось вдруг от сына.

– В «девятку», это в углу, – поправил дед и загнал мячик «под перекладину».

Соня подняла глаза от пола и улыбнулась. Семья – понятие эфемерное, но чем реже мы его ощущаем, тем больше оно ценится.

– Молодец, чемпион. В хоккеисты пойдёшь?

– Конечно, пойду... Дед только подучит, – ответил довольный сын.

Соня снова вонзила зубы в кусок, ощущая горячий поцелуй. То, что надо для хищника. Ведь она теперь совершенно точно, хищница. И своё потомство в обиду не даст. Интернет только в дом привести, планшет и консоль игровую купить, и малой сам отсюда уезжать больше на захочет. Это подкуп, но подкуп честный, ведь он даст ей побольше времени прийти в себя и разобраться с жилищным вопросом при бракоразводном процессе.

С последними лучами солнца она решила – будет разводиться. И точка.

Ощущая тепло поддерживающей семьи, и необычайную

лёгкость от этого решения, Соня снова улыбнулась.

«Так вот оно какое – счастье», – промелькнуло определение в голове... но тут телефон подал звук.

Если все мессенджеры она сделала беззвучными в любое время, а звонки на мелодии стандартными, то на особые номера в списке играла своя музыка. Вот и сейчас звонок из барабанной дроби длился всего несколько секунд, чтобы привлечь её внимание. Но она точно знала, что звонила Марина.

Прилетевшее следом от неё предложение бросило в дрожь:

«Кажется, мне придётся его закрыть».

Соня отложила шампур. Аппетит пропал. Чтобы совсем не потерять связь с этой хрупкой реальностью, пальцы зашарили в сумочке в поисках заветного листика.

Как рыбе, выброшенной на берег, ей срочно требовалось снова оказаться в воде, чтобы прийти в себя.

Глава 9 – Первый помощник

Марина посмотрела на заваленный бумагами стол и вздохнула, помассировав уставшие глаза через веки. Работы столько, что хоть живи в кабинете. Чем она, собственно, и занималась последние пару дней. И её даже поддерживало несколько людей, вводящих в курс дела. Но всему есть предел, и даже эти энтузиасты разбежались.

Полковник и сама поняла, что человек без души на ночь теряет саму душу. Поэтому сегодня она собиралась ночевать дома. И желательно с Глебом вместо одеяла.

Погоревшее здание аукнулось десятками возбуждённых уголовных дел. Тут тебе и халатность, и покушение на убийство, и поджог, и повлечение смерти по неосторожности, но главные козыри обнаружались внутри помещения.

Не заметить их мог только слепой или человек с приказом. На жёстких дисках в задымлённых кабинетах, где хранились записи разговоров, клиентские базы, данные по карточкам и переводам, хранились улики, что недвусмысленно намекали на многочисленные эпизоды мошенничества.

Гнойник вскрылся, обнаружив распечатанные методички буквально разбросанными по всем этажам. Но как раз этих дел было столько, словно кот наплакал. Там, где можно было возбудить сотни дел и нагрузить прокурора по полной на

полгода вперёд, словно кто-то большой и сильный сказал – нет. И на суть сгоревшего здания словно закрыли глаза. Искали бензовоз, исполнителя поджога, опрашивали потерпевших в больнице, а на месте происшествия даже круглосуточную охрану не поставили. И в ночи там мелькали фонарики вандалов.

Упрямая Марина, наперекор системе, так просто сдаваться не собиралась и начала полный цикл проверки. Ведь звонки на мобильный телефон с других областей достали даже её. При том, что кредитов она не брала, объявлений не давала и никакие согласия на использование своего номера не давала.

Его просто украли из системы самого оператора связи, в чём тот никогда не признается.

Мошенники умело используют всю доступную информацию и технологии, разбираются в психологии людей, вынуждая жертву раскрывать всю информацию о себе, либо совершать те или иные действия, используют человеческие слабости и чувства в своих корыстных интересах. Но как только их удаётся собрать под одну мухобойку и прихлопнуть, объявляются покровители, которые не желают терять жирный кусок дополнительного дохода и останавливать этот бизнес.

Марина поднялась, разминая затёкшие ноги, хрустнула шеей, и тут её вызвали в кабинет к начальству. В почти опустевшем здании по случаю вечерних часов, уже почти никого не осталось. И начальство в количестве одного лысоватого человека встретило без пиджака и галстука.

– Марина Сергеевна, а что вы думаете по части этого злополучного здания? – спросил напрямую шеф, поглядывая в окно, пока в глазах плыли строки отчётов.

Под вечер он так устал от столичных проверок, что даже не думал прятать коньяк в шкаф. Напротив, поставил сразу два гранённых стакана и кивнув на бутылку, позволил ей разливаться.

– А что тут думать? – улыбнулась не привыкшая всё держать в себе Марина, подлила шефу, но сама пить не стала.

И так едва на ногах стоит. Только выложила как на духу.

– Я заехала туда, разогнав пиздюков, уничтожающих вещи доки. Каждая грёбанная мусорка содержала пошаговую инструкцию как наебать доверчивого человека, а дел меньше, чем должно быть после рейда в подпольное МФО. Поэтому у меня есть мнение на этот счёт. Но не думаю, что оно вам понравится.

– Конечно, не понравятся, Марина, – ответил седой шеф, хлопнув половину стакана сразу и занюхав рукавом. Расплывшись в довольной улыбке бесконечно заебавшегося на работе человека, он добавил тише. – У каждого человека есть анус и своё мнение. Жопу ты мне в первую рабочую неделю уже показала. Думал посидишь тихо-ровно, вникнешь в суть, людей тебе выделил тихих. А сам, думаю, пока досижу сезон, а затем в моё кресло сядешь. Но нет же, метнулась во все тяжкие. Ты что, бульдозер, чтобы так сразу копать?

– Бульдозер не копает. Бульдозер разравнивает. Да и чего там копать? – пожалала плечами Марина, допустив глобальную ошибку, поправив начальство. – Это же не бомжа по городу в пиджаке чёрном ловить, который людей на сеансах психотерапии избивает. Никто и не задумывается, как попал в здании. Потому что не ставит себя на место бомжа, пока так же не начинает на работе пахнуть. Работая, а не отсиживая часы по порно-сайтам.

Шеф треснул по столу из красного дерева. Дерзкая!

– Докопалась, ёбаный в рот! Хочешь, чтобы мне теперь вместо пенсии хуй к носу приставили и домой отправили? Я не так на покой собирался.

Марина ухмыльнулась, ничего не добавляя.

– Окстись, Марина! Сбавь ход! Придержи дела. Ну нельзя нам сейчас светиться. Город только-только от проверок отошёл с мэром. Мы даже начинаем запоминать выговаривать его имя. Ещё месячишко, и фамилию запомним.

– Да чего там держать? Говна этот поток? Так тут одних рук не хватит. Испачкаемся только, – улыбнулась Марина, заметив начало действие пьесы «не высывайся, дольше проживёшь» по мотивам произведения «будь как все, живи и дай жить другим».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.